

**ЗАБЫТЫЕ АРМИИ
ЗАБЫТЫЕ КОМАНДАРМЫ**

Командующий
43-й армией
(10–29 октября 1941 г.)
генерал-лейтенант
(1940 г.)
**СТЕПАН
ДМИТРИЕВИЧ
АКИМОВ**

ДОРОГА СМЕРТИ

**43-я армия в боях
на Варшавском шоссе.
Схватка с «Тайфуном»**

1941–1942

Сергей Михеенков

Сергей Егорович Михеенков
Дорога смерти. 43-я армия в
боях на Варшавском шоссе.
Схватка с «Тайфуном». 1941-1942
Серия «Забытые армии. Забытые командармы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816575

*Дорога смерти. 43-я армия в боях на Варшавском шоссе. Схватка с «Тайфуном». 1941—1942.:
Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04133-3*

Аннотация

До сих пор мы, потомки победителей в Великой Отечественной войне, не можем понять, как же все-таки выстояли наши отцы и деды в 1941-м под Москвой? Какая сила остановила железный таран немецких танков? Как был опрокинут блицкриг? Эта книга – попытка ответить на многие волнующие вопросы. Недавно рассекреченные документы, уникальные находки краеведов, архивистов и поисковиков, откровения ветеранов обеих армий легли в основу новой книги лауреата литературной премии «Сталинград» Сергея Михеенкова. 43-я армия за один самый напряженный месяц боев – октябрь 1941-го – сменила троих командующих. Один был отстранен и отдан под суд, другой получил тяжелое ранение в бою, третий довел дивизии и бригады до Угры и Вори, но не был любим своими солдатами. Через драматизм судеб генералов, через описание боев автор рисует картину, которая во многом для нас неожиданна и нова.

Содержание

Предисловие автора	4
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Михеенков

Дорога смерти. 43-я армия в боях на Варшавском шоссе. Схватка с «Тайфуном». 1941—1942

Предисловие автора

Читатель найдет в этой книге много нового, ранее неизвестного, закрытого в архивах и попросту забытого.

43-й армии Западного фронта судьба послала участь оказаться на пути правого крыла ударной группировки «Тайфуна», которая через неделю сомкнула кольцо окружения вокруг советских войск в районе Вязьмы. Армия была разбита за несколько дней. Она имела перед собой противника, который превосходил ее дивизии и полки кратно. Но разбитые части отходили по Варшавскому шоссе на восток, к Юхнову, к Медыни, к Угодскому Заводу, к Подольску. Там, на реках Протве и Наре, проведя перегруппировку и пополнившись, встали намертво и сделали то, что не смогли сделать под Рославлем, на Десне и Снопоти, – остановили немецкие танки, заставили противника окапываться и обороняться. А потом, по Варшавскому шоссе, армия пошла в наступление.

Варшавское шоссе для вермахта было наикратчайшей дорогой на Москву. Вдоль магистрали наступала самая мощная немецкая армия – 4-я полевая.

Так случилось, что родина командующего войсками Западного фронта генерала армии Т.К. Жукова – деревня Стрелковка – оказалась вблизи Варшавского шоссе. Здесь, по реке Протве, проходила оборона левого крыла 43-й армии. Планируя оборонительные операции, а затем декабрьское наступление, Жуков освобождал и свою родину.

В этой книге прослеживаются судьбы многих командиров и рядовых солдат. Сложилось они по-разному. Кто-то, отличившись в бою, стал героем. Кто-то, попав в плен, в мрачной колонне обреченных на бесконечные страдания был угнан на запад. Пленных гнали по Варшавскому шоссе. Тех, кто не мог идти, добивали выстрелом в затылок или штыком. Вот еще почему в народе этот тракт называли «дорогой смерти».

Во время работы над книгой удалось раздобыть ранее неизвестные документы. Ведь архивы только-только открываются. Старался публиковать их целиком. Читатель сам разберется, что к чему.

Варшавское шоссе для 43-й армии было дорогой ужаса и надежд, бега и наступления, поражений и побед. Для нас, сыновей и внуков победителей, эта дорога стала дорогой памяти и доблести наших отцов и дедов.

Крапивна, Кузьминичи, Новоалександровский, Зайцева Гора, Барсуки, Юхнов, Воронки, Мятлево, река Шаня, Медынь, Ильинское, Малоярославец, Белоусово, Стремислово, река Нара и – назад.

Октябрь 2012 г.

г. Таруса

Выражаю благодарность моим землякам и землякам моих героев, оказавшим всяческую помощь в ходе работы над рукописью этой книги:

Роганову Игорю Александровичу, генеральному директору ООО «Образование Софт» (г. Костерево Владимирской области);

Колесникову Кириллу Николаевичу, генеральному директору группы компаний «Софт Сервис» (г. Орехово-Зуево);
Яшкину Николаю Ивановичу, директору КСП «Жерелево» (Калужская область);
Филиппову Владимиру Викторовичу (г. Таруса).

Глава 1 Под Ельней и Рославлем

«Милые гражданочки! Не копайте ямочки! Придут наши тапочки и зарюют ваши ямочки!»

Что происходило на Варшавском шоссе в районе Рославля и Спас-Деменска до начала «Тайфуна». – Сосредоточение 43-й армии. – Исходные районы. – Из рассекреченной папки. – Что немцы писали в листовках. – Направление удара – Ельня, Рославль, Хиславичи, Шумячи. – Замысел ельнинско-рославльской операции. – Из дневника фон Бока. – Рождение советской гвардии. – Неудачи 43-й армии. – Гибель 109-й танковой дивизии западнее Десны. – Ельнинско-рославльская операция: что же было на самом деле? – Жуков на НП 211-й стрелковой дивизии. – Как выходили из окружения. – Первое отделение сержанта Никанорова

Под Рославлем на Десне и Снопоти немецкие войска кромсали советские дивизии первого эшелона, прорывали там и тут боевые порядки войск Западного фронта и, выхлестнувшись всей своей ударной мощью на оперативный простор, двумя стремительными потоками начали охватывать Вязьму и прилегающие районы, где сгрудились, не выдержав сверхмощной атаки, почти все наши армии Западного и Резервного фронтов, прикрывавшие Московское направление. Так началась операция «Тайфун», в ходе которой Германский рейх рассчитывал не только захватить Москву, столицу СССР и средоточие ее духа и мощи, но и уничтожить Красную армию, а значит, одержать окончательную победу в войне на Восточном фронте.

Операция «Тайфун» должна была поставить точку в блицкриге. По существу это был второй этап молниеносной войны германской армии на русском фронте. Вынужденный этап. Потому что по плану «Барбаросса» Москву, Киев и Ленинград немцы должны были захватить к концу лета без всякой оперативной паузы. Гитлер просчитался. Но на этот раз он был уверен в успехе самой сильной своей группировки и приказал овладеть Москвой до наступления холодов.

Что же происходило на центральном участке фронта в конце лета, когда, согласно первоначальному плану, немецкие танки должны уже были крошить брусчатку московских площадей? А конкретно – что происходило в канун «Тайфуна» на фронте обороны 43-й армии? Она, 43-я общевойсковая, станет главным героем этой нашей книги. Дело в том, что до сих пор бытует мнение, будто бы остановка германской армии на Десне была этаким продолжительной оперативной паузой, периодом накопления сил и перегруппировок, почти отдыхом для Красной армии и вермахта. А между тем стояние на Десне в истории Великой Отечественной войны на самом деле было временем непрерывных, упорных боев, когда обе стороны, пробуя силы и прочность друг друга, непрерывно атаковали и контратаковали, словно пытаясь определить, кто же в ближайшие дни пойдет в решительное наступление. Ударную мощь накопили и те и другие. Штабы делали свое дело. Солдаты сидели в окопах и ждали приказа.

После первого ельнинского сражения, которое закончилось неудачей для Красной армии, а точнее, для 24-й армии Резервного фронта, наши войска отошли, заняли новый оборонительный рубеж и приступили к перегруппировке для нового наступления.

43-я армия Резервного, или, как его еще называли, Московского, фронта имела позиции в районе восточнее, юго-восточнее и северо-восточнее Рославля справа и слева от Варшавского шоссе. Фронтом командовал генерал армии Г.К. Жуков. В первом эшелоне фронта, кроме 43-й, стояла 24-я армия. Она занимала участок фронта правее и закрывала Ельнинское направление. 24-й армией командовал генерал-майор К.И. Ракутин.

24-я армия была более мощной. В период наступления на Ельню она имела следующий состав: 19, 100, 106, 107, 120, 303 и 309-я стрелковые дивизии, 6-я стрелковая дивизия народного ополчения, 103-я моторизованная дивизия, 102-я и 105-я танковые дивизии, 10 корпусных артполков, полков РГК и ПТО – всего 800 орудий и минометов, в том числе установок залпового огня, прозванных фронтовиками «катюшами». Общие силы армии оценивались в 60 000 человек.

43-я армия, которой в тот короткий период командовал генерал-майор Д.М. Селезнев, имела более скромный состав: 53, 149, 211 и 222-я стрелковые, 104-я и 109-я танковые дивизии, 6 корпусных артполков, полков РГК и ПТО.

Что же происходило на фронте и в ближайшем тылу 43-й армии в августе – сентябре 1941 года?

Из оперативной сводки штаба Резервного фронта:

«43 А. Войска Армии в течение ночи и дня 8.8.41 производили частичную перегруппировку и продолжали сосредоточение в свои районы.

303 сд, выполняя распоряжение ком. фронта, в 3.00 выступила из района сосредоточения ОБОЛОВКА, ЛАТЫШИ в район ШУЙ для занятия оборонительного рубежа по вост. берегу р. ШУЙЦА. Сведений о выходе дивизии на этот рубеж не поступало.

211 сд прибыла полностью и сосредоточилась в районе М. САВКИ, БАРСУКИ, ПОКРОВСКАЯ (7 км южнее КИРОВ).

279 сд. К 15.00 прибыли все части дивизии, за исключением одного сп и одного б-на другого сп; прибывшие части сосредоточились в лесах западн. и юго-западн. ЛЮДИНОВО.

222 сд в составе двух сборных б-нов и б-на НКВД к 6.00 8.8.41 отошла за главный рубеж обороны и сосредоточилась в районе ЦЕРКОВЩИНА, ЛОСЕВО, НИКОЛЬСКОЕ. В течение дня продолжался сбор отдельных групп и подразделений, отошедших через главную полосу обороны, где приводились в порядок.

Группа КАЧАЛОВА – остатки 145, 149 сд и один сп 46 сд общей численностью до 5000 человек выходили из окружения и сосредотачивались в районе У СОХИ, ст. БЕТЛИЦА, ДУБРОВКА, где приводятся в порядок. Штаб группы, за исключением ЕГОРОВА и Командующего, полностью вышел из окружения и проводит работу по уточнению боевого состава отошедших частей.

В положении остальных частей изменений нет. *Начальник штаба фронта генерал-майор ЛЯ ПИН*»¹.

Из разведсводки № 15 к 22.00 8.8.41:

«ВЫВОДЫ К РАЗВЕДСВОДКЕ: 1. Противник продолжает оказывать сопротивление нашим частям на всем фронте, особенно упорное сопротивление оказывается им в районе ЕЛЬНЯ, куда сосредотачиваются новые мотомехчасти. 2. На Рославльском направлении противник временно прекратил развитие своего успеха в восточном направлении, подтягивает отставшие части и тылы, производя одновременно усиленные разведывательные поиски в

¹ ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 29. Л. 212–214.

восточном направлении и особенно в южном и юго-восточном направлениях (на МГЛИН, БРЯНСК).

Можно ожидать возобновления наступательных действий противника на этом участке на восток или юго-восток.

Наштафронта генерал-майор ЛЯПИН»².

Из разведсводки № 030 штаба ВВС Резервного фронта к 24.00 8.8.41:
«СТОЛБОВО.

Карта 500 000 изд. 39 г.

1. ВВС Резервного фронта в течение дня 8.8.41 прикрывали свои наземные войска, взаимодействовали с ударной группировкой 24 Армии, действовали по аэродромам и вели разведку подходящих резервов противника.

2. 12 САД в течение дня 8.8.41 действовала по мотомехчастям противника в районе ЕЛЬНЯ, РОСЛАВЛЬ, прикрывала СБ 46 РАЭ в полете и выгрузку наземных войск в районе ст. ГОДУНОВКА. С 15.00 и до 21.00 всего произведено 32 самолетовылета МИГ-3 122 ИАП, 2 самолетовылета Пе-2 411 ББП и 7 самолетовылетов СБ 46 РАЭ.

Потерь части дивизии не имели.

В воздушном бою 1 Пе-2 сбил в районе РОСЛАВЛЬ 1 МЕ-109.

3. 38 ИАД в течение 8.8.41 прикрывала выгрузку и сосредоточение наземных войск в р-не ст. СУХИНИЧИ, ст. ЗАНОЗНАЯ, КИРОВ, вела разведку в р-не ЕЛЬНЯ и борьбу с авиацией противника в воздухе.

Всего произведено 32 самолетовылета.

Вылетевшие в 20.40 для отражения самолетов противника в р-не СУХИНИЧИ 2 И-16 встреч с противником не имели и из-за потери ориентировки произвели вынужденную посадку вне аэродрома, поломав самолеты и причинив ранения летчикам»³.

По всей вероятности, истребители И-16 38-й истребительной авиадивизии не имели радиопередающих устройств для связи с базой и между собой. Потеря ориентировки в таких случаях была делом обычным. Более опытные пилоты ориентировались относительно дорог, рек, населенных пунктов. Самолеты взлетали с полевых аэродромов Староселье, Знаменка, Жиздра, Наумово (12 км северо-восточнее Спас-Деменска), Жилино, Козельск и военного аэродрома Шайковка⁴.

Из оперативной сводки № 16 штаба артиллерии Резервного фронта:

«К 20.00 8.8.41 г.

г. ГЖАТСК.

Карта 100 000 и 500 000.

Артиллерия Резервного фронта производит частичную перегруппировку в соответствии с приказом фронту № 0021/0п, готовясь к уничтожению ЕЛЬНИНСКОЙ и РОСЛАВЛЬСКОЙ группировок противника.

43 А. <...>

В состав армии прибыл 109 ап (109 тд), имеющий на вооружении 12 122-мм гаубиц обр. 1910/30 г.; 12 152-мм гаубиц обр. 1909/30 г. Полк сосредоточен 2 км западнее МАЙ. В дивизии недостает 4 37-мм зен. пушки и 12 45-мм пушек ПТО.

² Там же. Д. 46. Л. 212.

³ ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 46. Л. 222–224.

⁴ Шайковка как военный аэродром действует поныне. В Шайковке базируется отдельный дальнебомбардировочный полк ВВС России. Во время оккупации здесь базировались немецкие самолеты. Затем снова наши.

<...> 645 КАП (без одного дивизиона) занял боевой порядок в районе ЛЕСНИКИ юго-западнее 2 км Б. ПОЛПИНО. 1/645 кап с утра 2.8.41 вел бой в районе ХОРОШОВКА юго-западнее РОСЛАВЛЬ совместно с ГАП 222 сд, входя в состав группы ПП 787. Не используя всех возможностей обороны и не приняв мер к выводу матчасти из боя, личный состав дивизиона во главе с комсоставом и командиром дивизиона бежал, бросив матчасть и ОП. У противника осталось 12 152-мм гаубиц обр. 1937 г., 21 трактор и около 15 автомашин.

К 16.00 4.8.41 прибыла часть красноармейцев в количестве 60 чел. и 15 чел. комсостава во главе с командиром дивизиона. Сбор людей первого дивизиона продолжается. Производится расследование причин потери мат. части. *Нач. штаба артиллерии Резервного фронта генерал-майор МАЛЯРОВ*»⁵.

Далее привожу документы, относящиеся непосредственно к кануну атаки 30 августа 1941 года.

Из оперативной сводки штаба Резервного фронта:

«<...>

43 А.

Войска армии занимают прежний оборонительный рубеж.

53 сд – 21.00 по 23.00 24.8.41 пр-к вел сильный артиллерийский и минометный огонь из р-на х-ра ТРОЯНОВСКИЕ по КУКУЕВКА.

Части дивизии закончили частичную перегруппировку, вызванную сокращением фронта дивизии.

Положение остальных частей и соединений армии – без изменений.

109 тд с 6.00 22.8.41 сосредоточилась в районе МУЖИКОВО, БЫКОВО, ТРАШКОВИЧИ»⁶.

К проведению предстоящей наступательной операции на Ельню и Рославль готовились основательно. К фронту гнали технику и тяжелое вооружение. Подходили новые дивизии. Полки, понесшие в августовских боях большие потери, пополнялись маршевыми ротами и батальонами. Боевые порядки уплотнялись.

Кроме войск, которые постоянно продолжали подходить и подходить к фронту, в ближайшем тылу работали тысячи добровольцев на сооружении заградительных линий и запасных рубежей обороны. Студенты, рабочие и служащие из Калуги и десятков подмосковных городов каждый день с утра до вечера копали противотанковые рвы. Остатки этих грандиозных и, как показали события начала октября, почти бесполезных сооружений до сих пор можно встретить близ деревень Воронцово, Жерелёва, Кузьминичи, Михайловское и др., ныне входящих в состав Куйбышевского района Калужской области. А тогда, в августе – сентябре 41-го, советские люди с энтузиазмом и надеждой на то, что именно их работа остановит врага, работали на сооружении противотанковых рвов и заграждений. Над рвами иногда проносились немецкие разведывательные самолеты и бросали листовки следующего содержания: «Милые гражданочки! Не копайте ямочки! Придут наши таночки и заруют ваши ямочки!» Видимо, учитывая то, что рвы копали в основном женщины, иногда в листовках писали откровенную похабщину. Были и более откровенные: «Не сушите сухари, не месите тесто. Девятого октября не найдете места!» Все началось раньше, но об этом в следующей главе. При всей трудоемкости работ, при том, что невозможно было угадать заранее, куда, по какой дороге пойдут немцы, на некоторых участках обороны именно глубокие противотанковые рвы существенно помогали нашим частям удерживать оборону и эффективно уничто-

⁵ ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 46. Л. 224–227.

⁶ ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 7.

жать немецкую технику, которая вынуждена была маневрировать между рвами и двигаться по узким, заранее пристрелянным участкам.

Некоторые историки и публицисты склонны расценивать бои на Ельнинском и Рославльском направлениях периода августа – сентября 1941 года как крайне неудачные и бессмысленные. По их мнению, операции этого периода здесь, под Рославлем, а также севернее, в районе Ярцева, и южнее, под Брянском, лишь истощали силы Красной армии, сжигали в огне почти непрерывных боев целые полки и дивизии, очень скоро, уже в конце сентября.

Но если рассматривать проблему, положенную в основу этой идеи, шире, глубже и масштабнее, то открывается совершенно противоположная картина. Битва за Москву началась именно здесь, на Смоленской земле (ныне это районы Смоленской, Калужской, Брянской и Орловской областей). Здесь вынуждены были остановиться моторизованные и армейские корпуса, танковые группы и их тылы основной немецкой группировки, действующей на Восточном фронте. Остановиться, чтобы привести себя в порядок. Потери немцев были огромны. Именно в это время в германских войсках на Восточном фронте появилась поговорка: «Лучше три французские кампании, чем одна русская». Из книги английского историка Роберта Кершоу «1941 год глазами немцев», написанной на основе писем и дневников немецких солдат, воевавших в России: «Фриц Келер, 20-летний ветеран кампании во

Франции, входил в Рославль, расположенный в 100 км юго-восточнее Смоленска, 3 августа 1941 года. Незадолго до этого их подразделение провело удачную атаку. Но русским все-таки удалось уничтожить запасы горючего и продовольствия. «К сожалению, – записал он в тот вечер в дневнике, – в этом городе «освободить» уже нечего». Созерцая превращенный в руины догоравший город, он заключил: «Да, во Франции было куда лучше».

На линии Рославль – Ельня и далее на север немцам пришлось остановиться. Не хватало боеприпасов, продовольствия. Отставали тылы. Растянувшиеся коммуникации стали причиной многих неувязок. Танки выработали свой моторесурс. Требовалась замена масла, моторов, траков и укомплектование экипажей. Березовыми крестами над могилами танкистов, пехотинцев, артиллеристов и пилотов люфтваффе были выбелены целые поляны от Бреста до Смоленска и дальше на восток.

Потери группы армий «Центр» до начала операции «Тайфун» составили 219 114 человек. За это время получено пополнение около 151 000 человек. Таким образом, потери так и не были восполнены. А в целом вермахт к концу августа потерял на русском фронте 410 000 человек, из них 107 000 безвозвратно. Это значительно больше, чем во всех предыдущих кампаниях в Европе и Африке вместе взятых, с начала Второй мировой войны. Некомплект немецких дивизий существовал и в двух других группах армий, действовавших в России. И он с каждым сражением, с каждым боем и с каждой стычкой увеличивался. Потери вооружения и техники тоже оказались огромными. За месяц боев в районе Смоленска, Ярцева, Рославля и Ельни немецкие танковые подразделения потеряли более 50 % танков и бронетехники.

Это – к вопросу о том, как наша армия отступала. Бежала или дралась. Как свидетельствуют факты, и бежала, и упорно дралась, нанося противнику невосполнимый урон в живой силе и вооружении.

Началась война на истощение. Германский рейх уже тогда, в конце первого лета, не смог справиться с обеспечением своей восточной армии. Не хватало буквально всего. Транспорта, оружия, боеприпасов, продовольствия, а главное, иссякал людской ресурс. Не помогло и то, что автопарк для дивизий был собран со всей Европы. По дорогам на восток тягачи и конные запряжки тащили французские гаубицы, бельгийские пушки. Солдаты элитных дивизий и полков имели в качестве личного оружия чешские карабины, а офицеры итальянские и польские пистолеты. Все это требовало такого же многообразия боеприпасов и

запчастей. Коммуникации с каждым днем растягиваются. Погода портится. А дороги в России и без дождя хороши...

Известно, что заветной мечтой командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Федора фон Бока было разгромить Красную армию на подступах к Москве, навязав ей серию сражений на уничтожение, а затем триумфатором войти в Москву. Фельдмаршал, как и большинство германских офицеров, понимал, что затяжной войны, сопряженной с дальним походом, вермахт не выдержит. В своем дневнике он часто сетует на отвратительные дороги, на ужасный климат. Да, дороги в России были не такими ровными и основательными, как во Франции, и вдоль шоссе не было бензоколонок, где могли бы заправляться танки и бронетранспортеры. Остановка на линии Рославля была вынужденной. Потому что дальше фон Бок вести свои измотанные корпуса и дивизии, израсходовавшие основную ударную силу в июньских-августовских боях, не осмеливался. 2 сентября 1941 года он сдержанно, как всегда умалчивая о главном, что его беспокоило, размышлял в своем дневнике: «...центр моей группы армий настолько растянут и ослаблен оборонительными сражениями, что наступать своими силами более не в состоянии. «Интермеццо», как генерал Йодль из Верховного командования сухопутных сил окрестил поворот моего правого крыла к югу, может стоять нам победы. Наступление в восточном направлении не начнется ранее последней трети сентября – и это при самом благоприятном развитии событий! До этого времени необходимо копить и сохранять силы, так как за последний месяц к фронту группы армий «Центр» были направлены из тылов только две дивизии: 183-я дивизия (Диппольд) и испанская дивизия. Вопрос о сдаче ельнинского выступа становится в этой связи одним из самых актуальных. Задействованные там дивизии в буквальном смысле истекают кровью».

Немецкие солдаты и офицеры, погибшие под Ельней, Ярцевом, Рославлем и Дорогобужем, уже не были частью войск, участвовавших в операции «Тайфун». Потери в частях были конечно же восполнены. Но, во-первых, не полностью, некоторые подразделения пошли вперед, имея значительный некомплект; во-вторых, на смену ветеранам, прошедшим Польшу, Францию, Грецию, Норвегию и летние бои в России, пришли резервисты, необстрелянная молодежь 1922 года рождения и рабочие военных заводов. Гитлер уже тогда, на исходе лета 1941 года, согласно известной русской поговорке, латал тришкин кафтан.

Но фон Клюге был полон решимости. В его руках оказались важнейшие коммуникации, а под рукой самая мощная войсковая группировка. Одним из главнейших направлений штабы по-прежнему намечали ось Варшавского шоссе.

Из оперативной сводки штаба Западного фронта от 26.8.41:

«43 А.

Войска армии продолжали оборонительные работы, одновременно вели разведку и перегруппировку на своем левом фланге.

222 сд, продолжая укрепляться, вела боевую разведку в направлениях: СОЛОВЬЕВКА, ЕЛЕНЕВХОЛМ, ПОГУЛЯЕВКА, АЛЁШИНЦЫ.

По документам убитого лейтенанта в БЕРЕЗОВКА показывается 62 пп 7 тд. (Этот лейтенант, убитый в Березовке, уже не пойдет к Москве вдоль Варшавского шоссе в начале октября 1941 года. – С. М.)

Потери дивизии за 25 и 26.8.41: убитых – 2; раненых – 8; пропавших без вести – 3.

53 сд – без изменений. Перед фронтом дивизии действия противника ограничивались ведением минометного и артиллерийского огня и ведением разведки одиночными самолетами.

145 сд с 17.00 26.8.41 сосредоточилась в районе ЗИМНИЦЫ, СТУДЕНЕЦ, МОКРОЕ.

104 сд к 16.00 26.8.41 сосредоточилась в районе ЗЛОВОДСКОЕ, ЛУЖНИЦА, ЗИМНИЦА»⁷.

В ночь с 29 на 30 августа 1941 года войска 43-й армии заняли исходные позиции в районах сосредоточения. Артподготовка началась в 5.00 30 августа. В 6.15 пехота и танки пошли вперед. На некоторых участках противник оказал яростное сопротивление, и наши части продвигались вперед медленно и с большими потерями. Зато на других сопротивление сразу же было сломлено, наступающие начали развивать успех. Немцы поспешно отходили, применяя свой излюбленный метод гибкой обороны, который в последующие годы доведут до совершенства.

Авиация обеих сторон из-за низкой облачности и тумана не действовала, что оказалось на руку немцам. Основные силы люфтваффе группы армий «Центр» в это время действовали южнее, на направлении 2-й танковой группы Гудериана, которая своими передовыми подразделениями уже вышла на линию Борзна – Бахмач – Конотоп и угрожала отсечением киевской группировке советских войск. Наша авиация получила в небе временное превосходство и действовала все предыдущие дни исключительно успешно. Но непогода заперла самолеты Резервного и Западного фронтов на аэродромах.

Силы противника, в это время противостоящие двум армиям Резервного фронта, состояли из следующих частей и подразделений. Вдоль Варшавского шоссе наступала 4-я полевая армия, которой командовал фельдмаршал Гюнтер фон Клюге. Непосредственно перед войсками первого эшелона Резервного фронта стояли 20-й армейский корпус генерала Фридриха Матерны в составе 78, 292, 268 и 7-й пехотных дивизий. Всего около 70 000 солдат и офицеров. 500 орудий и минометов. Около 40 танков. Севернее ельнинского выступа фронт держал 9-й армейский корпус генерала Гейера: 15, 137 и 263-я пехотные дивизии. Южнее, на Рославльском направлении действовал 7-й армейский корпус генерала Фармбахера: 267, 23 и 197-я пехотные дивизии. Во втором эшелоне за ельнинским выступом располагались немецкие резервы: 10-я танковая и 252-я пехотная дивизии. Последняя, формально принадлежала 53-му армейскому корпусу, продвигалась по оси Варшавского шоссе и таким образом усиливала эту группировку.

Итак, немецкая группировка на Рославльском направлении значительно превосходила силы 43-й армии. Севернее, в районе ельнинского выступа немцы превосходили 24-ю армию незначительно, а по артиллерии и артиллерийским установкам даже уступали нашим войскам.

Замысел Ельнинской наступательной операции (30 августа – 3 сентября) имел целью следующее: встречными ударами 24-й армии подсесть основание ельнинского выступа, окружить немецкую группировку, рассеять ее и уничтожить по частям; одновременно 43-й армии предстояло наступать на Рославльском направлении; тем временем южнее Рославля и Варшавского шоссе левофланговые дивизии 43-й и три армии Брянского фронта – 50, 3 и 13-я – осуществляли Рославльско-Новозыбковскую операцию (30 августа – 12 сентября).

В значительно урезанной истории Великой Отечественной войны отражена лишь успешная часть этой операции, получившая наименование Ельнинской. На самом деле в августе – сентябре 1941 года Ставка планировала проведение крупномасштабной наступательной операции войск Западного, Резервного и Брянского фронтов на Ельнинском, Рославльском и Стародубском направлениях против южного крыла группы армий «Центр» с целью недопущения окружения войск Юго-Западного фронта под Киевом. Операция, выродившись в серию несогласованных частных ударов, в целом успеха не имела. Причин оказалось много. Нехватка средств, танков, самолетов. Несогласованность действий родов войск.

⁷ ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 13.

Слабое управление. Искали причины неудач и среди командиров. И нашли. Был отстранен от должности командующего 43-й армией и арестован генерал-майор Селезнев. Подробнее к судьбе этого генерала мы еще вернемся.

С самого начала в этой операции все пошло не так, как планировали. Под Ельней и Рославлем первоначальный удар был сильным. 24-я армия начала теснить противника. Хотя первые дни боев значительного успеха не принесли. Ударные группы имели продвижение всего лишь до 1 км в сутки. Немцы яростно контратаковали, в том числе с танками, стремясь во что бы то ни стало удержать горловину ельнинского выступа. 3 сентября наши войска после короткой перегруппировки снова нажали, и к вечеру перемычка ельнинского мешка сузилась до 6–8 км. Опасаясь полного окружения, немецкое командование приняло решение об отводе войск из ельнинского мешка.

В дневнике фон Бока запись за 31 августа 1941 года поразительно спокойная и лаконичная: «4-я армия совместно с 10-й танковой дивизией начали контратаковать противника в точке его максимального внедрения в нашу оборону. Русские возобновили атаки в районе ельнинского выступа». В записи от 1 сентября 1941 года уже чувствуется некоторая озабоченность: «...далее к северу, особенно в районе ельнинского выступа, его атаки становятся все более мощными и настойчивыми. Пленные утверждают, что эти атаки проводятся по личному указанию Сталина». Запись 3 сентября 1941 года: «Процесс спрямления ельнинского выступа вряд ли позволит нам высвободить хотя бы один полк ранее 6 сентября. Первые эшелоны 183-й дивизии, которую я вытребовал из-под Невеля, подойдут к Смоленску в это же примерно время. Таким образом, 162-я дивизия вряд ли сможет перейти в распоряжение 9-й армии до 6 сентября. На южном крыле 4-й армии противник, поддержанный танками, прорвал чрезмерно растянутый фронт 34-й дивизии (Бехлендорф) и вклинился в ее оборону на значительную глубину. Я передал единственный свой резерв, 52-ю дивизию (Рендулич), в распоряжение армии при условии задействовать ее, если это действительно необходимо». Запись 4 сентября 1941 года: «Сегодня противник снова атаковал на южном крыле 4-й армии. В районе ельнинского выступа шли бои местного значения». 7 сентября 1941 года фон Бок делает в своем дневнике весьма любопытную запись, касающуюся назревающих событий начала октября: «Согласно директиве фюрера, мое давнее желание атаковать главные силы русских должно осуществиться во вполне обозримом будущем. Главное, чтобы не подвела погода, так как необходимые подкрепления раньше конца сентября к нам не подойдут! В целом ситуация благоприятствует началу наступления, но простой ее не назовешь, так как на северном крыле обстановка продолжает оставаться напряженной».

Фон Бока больше беспокоил не ельнинский выступ, а положение на фронте 34-й пехотной и 10-й танковой дивизий. Последняя в эти дни составляла его резерв, который он вынужден был бросить в бой, чтобы остановить внезапную и довольно мощную атаку войск генерала Жукова. Хотя, возможно, хитрый тактик фон Бок ввел в дело все свои резервы, только чтобы не посылать подкрепление генералу Гудериану, который в это время гнал свою 2-ю танковую группу на юг, чтобы сомкнуть кольцо окружения вокруг киевской группировки советских войск. Личные и служебные отношения фон Бока и Гудериана вконец испортились. Гудериан, окрыленный успехами своих подвижных корпусов в период летних боев в России, все больше выходил из подчинения, считая себя и свою группу главными действующими лицами группы армий «Центр». Он и теперь требовал все новых и новых сил, чтобы как можно скорее и успешнее завершить свой рейд на юг и в очередной раз отличиться. Фон Бок же считал эту операцию безрассудством, лишней тратой сил, боеприпасов и людских ресурсов, а самое главное, времени, и это могло стоить германским войскам той желанной и скорой победы, о которой в вермахте грезил все от солдата до фельдмаршала.

Лето кончалось, а Москва все еще оставалась дальней целью, несбывшейся мечтой фельдмаршала. А тут еще атаки русских, которые вводят в бой все новые и новые дивизии...

В эти же дни начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии (ОКХ) генерал-полковник Франц Гальдер в своем дневнике сделал следующую запись: **«1 сентября 1941 года, 72-й день войны. Группа армий «Центр»:** Противник явно пытается организовать оборону на рубеже Десны и удерживать этот участок. Сильные атаки наших позиций на дуге фронта у Ельни, по-видимому, связаны с предполагаемым генеральным наступлением противника на этом участке фронта». **«5 сентября 1941 года, 76-й день войны. Группа армий «Центр».** <...> Наши части сдали противнику дугу фронта у Ельни. Противник еще долгое время, после того как наши части уже были выведены, вел огонь по этим оставленным нами позициям и только тогда осторожно занял их пехотой. Скрытый отвод войск с этой дуги является неплохим достижением командования».

Немцев еще так не трепали, как под Ельней в августе–сентябре 1941 года. Начальнику Генерального штаба ничего другого не остается, как изображать хорошую мину при явно плохой игре. Какое же это *неплохое достижение*, если уже разработана и подписана Гитлером директива о последнем и решающем наступлении года, после успешного завершения которого солдатам вермахта, уставшим от тягот и ужасов русского фронта, обещали возвращение на родину? Ельнинский выступ – наивыгоднейший плацдарм для броска на Москву. Простому фронтовому фельдфебелю, взгляни он на карту с очертаниями ельнинской дуги, ясно, что лучшего трамплина, пронизанного коммуникациями с востока на запад, для прыжка на Москву и желать невозможно. Однако штабной генерал постарался утопить досаду за поражение своих войск в пространных фразах, абсолютно не свойственных общему стилю дневника.

Русскими войсками в центре в тот период командовал тогда еще не особенно оцененный немецким Генштабом в качестве своего противника генерал армии Жуков. Он еще покажет себя, и очень скоро.

24-я армия генерала Ракутина блестяще выполнила свою задачу – опасный ельнинский выступ был срезан, 5 сентября дивизии этой армии ворвались в Ельню. На следующий день город полностью очистили от неприятеля.

Итогом операции стала, как уже было сказано, ликвидация выступа, угрожавшего вяземской группировке наших войск и в целом Московскому направлению. По сути дела, это была первая крупная операция уровня фронтовой, завершившаяся успешно. Первая победа. Она и обставлена была соответственно: сообщения в газетах, по радио, награды и внеочередные звания победителям. Здесь же, в ознаменование этой победы, произошло нечто, что, смело можно сказать, повлияло на судьбу всей войны, – родилась советская гвардия, во многом ставшая продолжателем гвардейских традиций русской армии. 18 сентября 1941 года приказом наркома обороны СССР ряду дивизий присвоено звание гвардейских: 100-й стрелковой – 1-я гвардейская стрелковая дивизия, 127-й стрелковой – 2-я гвардейская стрелковая дивизия. Спустя неделю гвардейские звания получили 107-я стрелковая и 120-я стрелковая; соответственно – 5-я гвардейская стрелковая и 6-я гвардейская стрелковая дивизии.

5-я вскоре окажется в Калуге. Заняв оборону вокруг города, примет бой с двумя немецкими дивизиями, усиленными танками, авиацией и артиллерией. Вырвется из окружения и выйдет к Тарусе, а затем займет глухую оборону на Протве под Серпуховом и до середины декабря будет упорно стоять на своем рубеже. В ходе московского наступления в составе войск 49-й армии генерала Ивана Григорьевича Захаркина пойдет вперед, освободит сотни деревень и городов, в том числе Тарусу, Полотняный Завод, Юхнов (все на территории нынешней Калужской области. – С. М.) и весной 1942 года после упорных позиционных боев на реке Угре снова вернется в состав 43-й армии Западного фронта. Фронтом будет командовать генерал армии Жуков. 5-й гвардейской будет отдан приказ захватить плацдарм на западном берегу реки Угры, чтобы встретить на нем прорывающуюся из окружения западную группировку 33-й армии генерала М.Г. Ефремова. Но об этом в последующих главах. Войну

дивизия закончит под Кенигсбергом и к тому времени будет иметь наименование Городокская, ордена Ленина, краснознаменная, ордена Суворова гвардейская стрелковая⁸.

Действия 43-й армии в операции Резервного фронта оказались менее успешными. 30 августа, в первый день наступления, 109-я танковая дивизия полковника Семена Панкратьевича Чернобая успешным ударом прорвала оборону немецкой 23-й пехотной дивизии, продвинулась вперед на 12 км, вышла к Костырям и перехватила шоссе Рославль – Ельня. Однако немцы отреагировали мгновенно. В ночь на 31 августа под Костыри были спешно переброшены части 267-й пехотной и 10-й танковой дивизий. 267-я только что прибыла в Рославль с южного крыла группы армий «Центр». 10-я составляла резерв фон Бока. «Клюге описал это вклинение как прорыв на глубину до 10 километров, – записал в своем дневнике фон Бок 30 августа, – и потребовал для ликвидации прорыва передать в его распоряжение 267-ю (пехотную) дивизию и несколько батальонов 10-й танковой дивизии. Я передал ему то, что он требовал, чтобы побыстрее разделаться с этой проблемой».

Фон Бок словно ждал наступления русских у Рославля и Ельни: уж лучше изматывать дивизии Красной армии здесь, где в ближайшем будущем придется прорывать фронт, чем отдавать свои части для того, чтобы они сгнули на Украине, в зоне действия группы армий «Юг».

Итак, на рассвете 31 августа немецкая резервная группировка, переброшенная на угрожаемый участок, нанесла контрудар по оголенным флангам прорвавшейся 109-й танковой дивизии 43-й армии. Порядки дивизии были смяты, управление нарушилось и через несколько часов полностью потеряно. В районе Богданова танки 10-й тд и части 267-й пехотной дивизии соединились, отрезав пути отхода 109-й дивизии назад. 109-я танковая дивизия полковника Чернобая оказалась в окружении. Попытки прорыва, в которых участвовало до 40 танков, успеха не имели. Немцы энергично сдавливали кольцо, непрерывно рассекая его ударами в различных направлениях. Бои в кольце продолжались до 5 сентября. Дивизия была полностью уничтожена и как боевая единица перестала существовать. Многие бойцы и командиры попали в плен и пополнили рославльский концлагерь, один из самых огромных и жутких, созданных немцами на оккупированной территории СССР.

109-я танковая дивизия была полностью укомплектованным боевым соединением. Вот данные о наличии танков и бронетехники на 29 августа 1941 года: 7 КВ, 20 Т-34, 82 Т-26, 13 ХТ-130, 22 БТ, 10 Т-40. Всего 154 тяжелых, средних и легких танка. Кроме того, 23 броневедомола: 10 БА-10 и 13 БА-20. Кроме двух танковых полков в состав дивизии входил 109-й мотострелковый полк, а также разведывательный батальон, отдельный батальон связи, зенитно-артиллерийский дивизион, автотранспортный батальон, ремонтно-восстановительный батальон, понтонно-мостовой батальон, медсанбат, рота регулирования, полевой автохлебозавод, полевая почтовая станция, полевая касса Госбанка. Все это оказалось в окружении. Удалось вырваться десятку танков и нескольким группам мотострелков и тыловых служб. В окружении не оказался лишь 109-й гаубичный артиллерийский полк, оставшийся на своих закрытых огневых позициях в районе деревни Май южнее Кузьминичей.

В дни тяжелого кризиса на фронте 43-й армии на КП правофланговой 211-й стрелковой дивизии прибыл командующий фронтом генерал Жуков. В «Воспоминаниях и размышлениях» этот эпизод маршалом преподнесен в следующей интерпретации: «Не везде, конечно, все проходило гладко. Мне хочется рассказать об одном досадном происшествии. Стрелковая дивизия 43-й армии, получив задачу захватить плацдарм на западном берегу реки Стряны, не обеспечила свой левый фланг после форсирования реки и без должной

⁸ Более подробно о действиях 5-й гв. сд в боях периода московского сражения 1941–1942 годов см. в первой и третьей книгах серии «Забывтые армии. Забытые командармы» «Серпухов. Последний рубеж» (М.: Центрполиграф, 2011) и «Юхнов. Кровавый плацдарм» (М.: Центрполиграф, 2012).

разведки стремительно двинулась вперед. Молодой, еще недостаточно опытный командир этого соединения допустил большой промах, не приняв нужных мер боевого обеспечения. Этой ошибкой немедленно воспользовался противник. Танковой контратакой он смял боевые порядки дивизии. Советские воины сражались стойко, они умело отражали удары врага, нанося ему значительный урон. Особенно ощутимые потери понесли танковые части противника от нашей противотанковой и дивизионной артиллерии. Сейчас трудно сказать, какая сторона имела больше потерь. Контратака гитлеровцев была отбита, но и нам пришлось на этом участке остановить наступление. Такова была расплата за необдуманные действия командира этой дивизии. Почти до самого вечера 9 сентября пришлось мне вместе с командиром находиться на его наблюдательном пункте, исправлять допущенную оплошность».

Во время неудачного наступления 43-й армии в критическое положение попала не только 211-я стрелковая и 109-я танковая, но и другие части.

К 13 сентября немцы в результате серии мощных контратак вытеснили наши подразделения за реку Стряну и окопались по западному берегу. Наступила пауза. Она оказалась непродолжительной. Изредка линию фронта нарушали лишь разведгруппы обеих сторон да мелкие группы и одиночные бойцы и командиры частей, оказавшихся в окружении в предыдущих боях. Теперь они выходили на позиции соседних частей, на пулеметы дозоров, на боевые охранения, рискуя в конце мучительного пути получить пулю от своих.

Дождь лил с самого рассвета. Да и рассвета, казалось, не было. Так, немного просветлело. Стали видны верхушки деревьев. Ночью из поймы Стряны по окрестным лугам и лесным болотам расползся туман. Перемешанный с толовым дымом, гарью и мелкой пылью дождя, он теперь казался непроницаемым и вечным.

Сержант Никаноров смотрел в щель, в раздвинутые ветки в стенке шалаша и не понимал, то ли дождь струится по его щекам, то ли слезы. В голове стоял гул. Тоже непонятно: оттого ли, что вторые сутки не спал, или все же контузия...

Снаряд разорвался совсем рядом. Как его не задело? Немцы стреляли бронебойными. Впереди прорывавшейся колонны все еще шла тридцатьчетверка. Три легких танка загорелись сразу, в самом начале прорыва, когда они бежали прямо на немецкую батарею. А теперь стреляло всего одно орудие. Немцы вначале бросили его, расчет, видимо, убежал в лес. Потом вернулись. И стреляли им в спину. Почему тридцатьчетверка не раздавила его? Бронебойные болванки со скрежетом рубили неподатливую броню танка, высекая снопы искр, но первое время не могли причинить танку никакого вреда. Тридцатьчетверка развернулась и пятилась, защищаясь толстой лобовой броней. Потом немцы начали стрелять фугасными. Вот тут-то и досталось им, бежавшим за танком, укрываясь от пулеметного огня из переlesa.

Из всего взвода до опушки леса добежали только трое из их взвода: братья Кудряшovy и он, сержант Никаноров, помкомвзвода. Танкист к ним приبلудил уже в лесу, вечером. Из той самой тридцатьчетверки. Не удалось и ей выбраться из того ада. Братья Кудряшovy бежали рядом с танком, они и вытащили механика-водителя. Остальные сгорели.

Механик-водитель вроде тоже контуженый. Или все еще испуг не прошел. Всю ночь бредил. Какого-то капитана звал. Никаноров, на всякий случай, забрал у него пистолет. ТТ с полной обоймой танкист отдавать не хотел. Сказал, что это пистолет комбата, что тот остался в танке и что это единственное доказательство, что комбат погиб.

Дождь стал утихать. Кудряшovy и танкист еще спали. Сержант Никаноров им завидовал. И когда это с ним случилось? Как только начинались бои, у него начисто пропадал сон. Санинструктор Селиванов сказал, что это нервное. Нервное... Не замечал он за собой никакой повышенной нервозности. В первом бою во взводе многие обделались. После на речку стираться пошли. Целое отделение набралось на постирушки. А он хоть бы что. И

каждую деталь запомнил. Стрелял, головы с бруствера не убирал, на бойцов покрикивал, на свое первое отделение. Где оно теперь, его отделение? Бердников, Султреков, Алешинцев, Зимаков, Брянцев, Кузьминский, Панюшкин... Панюшкин еще перед прорывом куда-то исчез. Этот брянский всегда был какой-то скрытный, ненадежный. В первом бою просидел на дне окопа и не сделал ни одного выстрела. Никаноров после боя ходил по траншее и проверял все винтовки. «Почему не стрелял?» – спросил Никаноров Панюшкина. Тот виновато улыбнулся и сказал, что был перекося патрона. Никаноров ненавидел эту его улыбку. Она у него всегда была наготове. И как он, такой, попал на фронт? Лучше бы хлеб молотил в своем колхозе. Но потом выяснилось, что Панюшкин был вовсе не из колхозников, а из служащих – до войны работал бухгалтером в райпотребсоюзе в небольшом городке недалеко отсюда.

Недалеко отсюда... Вот и мотанул ко двору, с неприязнью подумал о своем бойце сержант Никаноров. Но тут же спохватился: а может, зря на человека тень навожу? Лежит сейчас мой Панюшкин где-нибудь возле леечки в луже крови...

Дождь исполнял свой тоскливый концерт, тянул однообразную мелодию. Капли шлепали по расквашенным ботинкам сержанта Никанорова и по прикладу винтовки, лежавшей рядом с братьями Кудряшовыми. Вторую винтовку братья где-то потеряли. Кто-то из них бросил винтовку, подумал Никаноров, наблюдая за спящими. Интересно, кто – старший, Кондрат, или младший, Федька.

Кондрат винтовку не бросит, успокоил себя сержант Никаноров тем, что рядом с ним теперь есть хотя бы один надежный человек, на которого можно надеяться как на себя.

Тело ослабело. Начинало трясти. Что это, прислушивался он к своему состоянию, неужели все же контузия?

Пальцы дрожали. Нет, решил Никаноров, просто устал. И холодно. Надо идти. Хватит спать. Немцы, видимо, уже добились батальон, пожгли последние танки и теперь прочесывают лес. Надо уходить. Уходить...

Мысль о том, что оставаться здесь больше нельзя, начала выдалбливать усталое сознание сержанта Никанорова, как непрерывные капли, стекающие по сучку, выдалбливали лунку рядом с противогазной сумкой, в которой лежали запасные диски для автомата. Уходить, уходить... Бежать, бежать... Ать-ать-ать...

Кажется, он задремал. Но задремал с открытыми глазами. В прогале между соснами, по зарослям черничника и бересклета шли двое, потом к ним подошел еще один, в немецких касках, в темно-зеленых шинелях с погонами, у двоих винтовки на изготовку, у третьего – за спиной, этот третий что-то ест, кажется сухарь. Откуда у него сухарь? Разве немцев кормят сухарями?

Сержант Никаноров вздрогнул и почувствовал, как спина покрылась жаркой испариной. Подтянул к щели в шалаше автомат. У него полный диск. Немцев трое. Идут не редкой цепью, как в бою, а толпой. Они не чувствуют опасности. Значит, устали. Или заканчивают обход. Может, пройдут мимо и не заметят их шалаша? Шалаш старый, сделанный еще летом, видимо во время сенокоса. Даже если заметят, могут не обратить внимания. Если их только трое... Только бы не заклинило автомат.

ППШ ему достался от взводного. Лейтенанта Акопяна убило вчера во время минометного налета, еще до прорыва.

Послышались голоса. Странно, разговаривали по-русски.

В груди отвердело так, что стало трудно дышать. Слишком долго приходится ждать, подумал сержант Никаноров о своем положении. Братьев Кудряшовых и танкиста будить нельзя – зашумят. Тогда немцы точно заинтересуются одиноким ветхим шалашом под старой елью. Хорошо, что танкист затих, перестал бредить. В тумане сквозь дымку дождя виднелась тропинка, по которой шли еще несколько человек. Их-то и взял на мушку сержант, когда решил стрелять, прежде чем немцы их обнаружат. Пока можно было воспользоваться

единственным преимуществом – внезапностью. Но шедшие по тропе были одеты в красно-армейские шинели. Пленные! Их ведут туда, на запад, к Костырям.

В ушах зазвенело. Контузия. «Вот почему меня так трясет», – подумал Никаноров.

Пленные вереницей прошли по тропе и свернули в заросли молоденького ельника, в сторону луга. Там слышались другие голоса. Значит, всех, кого обнаружили в лесу, стгоняют туда, на луг. Как они могли заночевать в таком опасном месте?

Запахло табаком. Табак немецкий, суррогатный, но все равно приятный, все равно – табак.

Последнюю завертку они сделали вчера, на пару с лейтенантом Акопяном. Курили по очереди. Через минуту лейтенанту срезало затылок осколком мины, и сержант Никаноров прикопал его в овраге, где они лежали, прячась от обстрела, и докуривали последнюю самокрутку.

У-хо-дить, у-хо-дить... Бежать, бежать-бежать, часто, с ускорением вдруг зашлепали капли дождя по каске. Каску он не бросил. Теперь хоть голова была сухая.

На какое-то мгновение его расчетливое сознание затуманилось, словно и туда проникла холодная пелена дождя. Он быстро и бесшумно раздвинул мокрые ветки и протиснул под них свое дрожащее тело. Автомат все же решил не оставлять в шалаше, потянул за собой за сырой ремень. Противогазную сумку с запасными дисками – тоже.

Немцы стояли по ту сторону и курили, тихо переговариваясь между собой. Они не видели, как сержант Никаноров бесшумно перебежал к зарослям можжевельника, прополз шагов двадцать и спрыгнул в овраг. Заросли черничника и сырой мох глушили звуки его шагов.

В овраге густо росла крапива и таволга. Теперь, к осени, они вызрели в жилистые бурые будылья и стояли плотно, словно болотный камыш. Здесь они не будут искать, с надеждой подумал Никаноров и перестал дышать. Ему казалось, что немцы могут услышать его дыхание и то, как стонет, пищит, словно загнанная мышь, его душа.

Нет, нет, он не трус, просто так лучше, так разумней. Рассредоточиться... Мелкими группами, как сказал старший политрук перед прорывом. Выходить лучше мелкими группами. Так больше шансов выйти. Хотя бы кому-то... Всем все равно не выйти...

Какие-то странные звуки донеслись со стороны сосняка. Или показалось? Нет, это показалось. Дождь шлепает. Тихо. Немцы ушли.

Сколько сержант Никаноров просидел в овраге, он и сам не мог определить. Выбрался, когда уже начало смеркаться. Значит, день миновал.

В пасмурную погоду ориентироваться плохо. Где восток? Где запад? Солнце сквозь низкие тучи не угадывалось. Где оно теперь садилось, попробуй, разберись? Но деревья, обросшие с северной стороны лишайником и мхом, указывали, что восток там, за сосняком. А ему надо на юго-запад, чтобы выйти на дорогу. Варшавское шоссе наверняка удерживали наши. Там слышалась дальняя канонада. Артиллерия работала километрах в десяти, не меньше. Ерунда, подумал он, два-три часа ходу. Только бы лес не кончался.

Он вспомнил карту. Старший политрук несколько раз расстилал ее на дне траншеи, пытался понять, как им теперь быть. Нет теперь ни старшего политрука, ни карты.

Но прежде чем уходить, он решил пробраться к шалашу и разбудить братьев Кудряшовых и танкиста.

Как тихо стало в лесу, когда ушли немцы. Выбравшись из оврага, он снова прислушался. Ушли. Не заметили. Ни его, ни шалаша.

Можжевеловые кусты покачивались от тяжести дождевых капель, висевших на каждой иголке. Он пробрался ближе к соснам, стараясь не задевать унизанных дождевыми каплями можжевеловых веток. Он умел ходить в лесу тихо, не оставляя следов. Теперь у сержанта Никанорова появилась уверенность, что он выйдет из окружения, выберется из этой жуткой

передраги, в которую попала, видимо, вся дивизия, и выведет братьев Кудряшовых и контуженого танкиста. Руки все еще дрожали, но в ногах появилась твердость, и голова работала ясно, как будто в последнюю ночь он хорошенько выспался.

По своему следу, который мог определить в зарослях черничника и моха только он сам, сержант Никаноров пробрался к шалашу. Затаился. Тихо. Как тихо было кругом! Шум в ушах прекратился, и он явственно слышал ту лесную тишину, о которой в последние месяцы только вспоминал, думая о своей родной деревне, о семье и обо всем довоенном. Ствол автомат он отвел мокрые ветки. В шалаше было пусто. Ушли! Ушли без него! Вот сволочи!

Он раздвинул ветки пошире. Ничего, кроме обрывка грязного бинта на примятой беле-сой подстилке, он не увидел. Ушли... Бросили его и ушли... Куда? Где их теперь искать?

Он обошел шалаш вокруг, пытаясь найти хоть какие-то следы и понять направление их движения. Но ничего не нашел. Хотя кругом было все истоптано. И возле лаза в шалаш валялся промокший от дождя окуроч сигареты. Откуда здесь окуроч? Какие сигареты? Сержант Никаноров поднял окуроч. Немецкая! Сигарета была немецкая. Такие он видел. У разведчиков выменивали на тушенку.

Сержант Никаноров сделал еще один круг, на этот раз обходя шалаш пошире и осматривая каждый кустик, каждый перевернутый листок и опрокинутый мухомор. То, что он увидел в следующее мгновение, заставило его вздрогнуть и присесть в черничник.

Возле березы валялась винтовка. Это была винтовка братьев Кудряшовых. Перебитый приклад. Затвора не было. В примятом черничнике три обоймы и несколько патронов рассыпью. Если бы они бросили винтовку сами, зачем ее было разбивать о березку? Вон она, свежая метина на березовой коре. Ударили с силой, так что отлетела торцевая металлическая накладка приклада.

Теперь сержант Никаноров понял, что его бойцов угнали немцы. Вот откуда слышался тот странный звук, когда он сидел в овраге.

На мгновение он оцепенел. Он пытался оценить положение, в котором оказался, и свои действия, но не мог. Мысли рвались. В голове снова появился шум. Он накатывал волнами, как дождь в поле во время ветра. Но теперь в лесу было тихо.

Спустя двое суток, ночью, он вышел на пост одного из батальонов 53-й стрелковой дивизии. В окопе боевого охранения сидели четверо. Они накормили его холодной кашей, налили в кружку самогонки. Он выпил и заплакал. Каша не лезла в горло, падала на колени и на полы шинели. Он подбирал ее и дрожащими пальцами запихивал в рот. О ком плакал он тогда, в окопе боевого охранения под Кузьминичами? О себе ли, что вышел все же к своим, несмотря ни на что? О своих ли товарищах, о братьях Кудряшовых и танкисте, судьба которых теперь терялась в гигантской буре бушевавшей вокруг войны? О тех ли, кого оставил на Стряне?

Сержант, сидевший у пулемета, посмотрел на его внезапные слезы и покачал головой: – Натерпелся... Ладно, поспи, браток. Больше тебе наливать нельзя. Скоро сменимся, тогда отведем в штаб. Там и горяченького поешь.

Там, в окопе боевого охранения, оказавшись среди чужих людей, сержанту Никанорову первый и единственный раз за всю его долгую жизнь хотелось рассказать, что произошло с ним и его товарищами в лесу после прорыва. Ни несколько часов спустя, когда в штабной землянке его будет опрашивать пожилой командир с нашивками батальонного комиссара, ни потом, когда только во сне, и все реже и реже, война будет возвращаться к нему, он так и не расскажет никому о том, что после прорыва выходил не один.

Глава 2 За час до рассвета

«...Сегодня начинается последнее величайшее и решающее сражение этого года...»

В 43-й новый командарм. – О том, как генерал Селезнев избежал военного трибунала. – Судьба генерала Собенникова: от прапорщика царской армии до генерала Красной армии. – Из комфронта – в командармы. – Арест генерала Селезнева. – Положение 43-й армии перед немецким наступлением. – Группировка противника. – День «Т». – В обстановке строжайшей секретности. – Передатчик работает в пустоту. – Роль «добровольных помощников» – «хиви» и четвертые батальоны. – «Хоть с чертом, но против большевиков». – Катя из трудовой армии и лейтенант Иван

43-й армией под Рославлем командовал генерал-майор Петр Петрович Собенников. 5 сентября 1941 года он заступил на должность командарма, сменив на этом посту временно исполнявшего должность командующего генерал-лейтенанта Ивана Александровича Богданова. Генерал Богданов одновременно занимал должность заместителя командующего войсками Резервного фронта. Только что с должности командарма был смещен генерал-майор Дмитрий Михайлович Селезнев. Причиной его отстранения от командования стали неудачные действия 43-й армии в ходе Ельнинской наступательной операции. Генерала, по всей вероятности, ждал суд. Если учесть, что ситуацией управлял командующий Резервным фронтом генерал армии Георгий Константинович Жуков, имевший в войсках репутацию человека жестокого и бескомпромиссного, то перед генералом Селезневым открывалась мрачная перспектива. К счастью, на должность командарма 43 пришел человек и генерал, которого война уже протатила по своим крутым горкам, рвам и окопам, и он знал, что такое невыполнимые приказы и какой противник стоит по ту сторону нейтральной полосы и что после каждой неудачи начальству требуется козел отпущения.

Жукова отозвали в Ставку и вскоре направили под Ленинград. Генерал с таким твердым характером и таким оперативным умом и интуицией, какими обладал Жуков, в те труднейшие дни нужен был везде. Особенно остро это понимал Сталин. Он направлял Жукова туда, где положение либо приближалось к катастрофическому, либо уже было таковым.

Разбираться с делом генерала Селезнева поручили его преемнику. В архивах сохранились документы той поры, и среди них приказ, подписанный новым командармом, с требованиями прокурорского расследования «событий 30.08.41—2.09.41 в полосе действий 211-й сд, приведших к невыполнению задач, поставленных перед войсками 43-й армии Ставкой и Резервным фронтом».

До сих пор история отстранения от должности генерала Селезнева и его дальнейший арест являются предметом дискуссий историков и краеведов. Период был сложный, и он не оставил подробных документов. Некогда было документировать некоторые распоряжения и приказы. Нужно было действовать.

Так вот по одной из версий, которая наиболее правдоподобна, новый командующий спустил дело генерала Селезнева на тормозах. Дело в том, что ВРИД командующего 43-й армией генерал И.А. Богданов поступил весьма мудро: он отстранил командира 211-й стрелковой дивизии и назначил на нее генерала Селезнева с приказом – собрать бросившие свои позиции полки и батальоны и срочно восстановить положение, что и было исполнено в

самый кратчайший период. Это спасло генерала Селезнева от военного трибунала, а генералу Собенникову дало законный повод не доводить дело до суда. Забегая вперед, скажу, что генерал Селезнев еще вернется на страницы нашего повествования в качестве спасителя ситуации под Угодским Заводом и Тарутином. И это произойдет очень скоро.

Петр Петрович Собенников родился 13 июля 1894 года в Кронштадте в семье офицера царской армии. Его отец в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 годов отличился в одном из сражений под Плевной, за что был пожалован офицерским чином и дворянским званием. Петр Собенников пошел по стопам отца, поступил в Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге, с успехом окончил его и в звании прапорщика отбыл на фронт Первой мировой войны. Училище, которое окончил будущий генерал Красной армии, было элитным военным учебным заведением. В нем учились Лермонтов, Мусоргский, а также генералы белой армии Каппель, Марков, Шкуро, Улагай. Дворянское происхождение Собенникова не раз будет ему аукаться. В 1918 году, сняв погоны царского офицера, Собенников вступил в Красную гвардию. Воевал за лучшую долю для своих соотечественников. После Гражданской войны окончил Военно-академические курсы высшего начсостава РККА и Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава РККА. Служил в Красной армии на командных должностях и в штабах. С 1939 года преподавал общую тактику в Военной академии имени М.В. Фрунзе. С 1940 года – заместитель генерального инспектора кавалерии РККА. В марте 1941 года назначен командующим 8-й армией Прибалтийского Особого военного округа, который вскоре будет преобразован в Северо-Западный фронт. В двадцатых числах июня части 8-й армии контратаковали немецкие войска под Шяуляем и задержали их наступление на несколько дней. Успешная атака Собенникова была замечена Ставкой, и вскоре генерала назначают командующим войсками Северо-Западного фронта. Но в дальнейшем военная удача отвернулась от него. Хотя под Сольцами на Новгородском направлении войска Северо-Западного фронта в середине июля проведут довольно успешную операцию, отбросят противника на 40 км и разгромят тылы 56-го моторизованного корпуса. Противник вынужден будет в срочном порядке усиливать группу армий «Север», снимая с Московского направления дивизии и целые корпуса.

Северо-Западный фронт подвергся новым ударам немецких войск. Началась полоса поражений и неудач. Ставка склонна была виновных искать на месте. Были расстреляны командующий 34-й армией генерал-майор Качанов, его заместитель, начальник артиллерии армии генерал-майор Гончаров. Собенникова отстранили от должности, но не арестовали. Назначили с понижением – командующим одной из армий Резервного фронта.

И вот в самый разгар наступления Красной армии на Рославльском направлении генерал-майор Собенников вступил в должность командующего войсками 43-й армии.

Дивизии и части армии, занимавшей, пожалуй, самое опасное направление – участок фронта на Варшавском шоссе, к началу сентября понесли большие потери и пребывали не в лучшем состоянии. В состав армии вошли 113-я стрелковая дивизия генерала Преснякова, а также 145-я и 148-я танковые бригады. Обе бригады не имели и десятой доли бронетехники, которой располагала погибшая в окружении 109-я танковая дивизия.

В «Книге Памяти. 1941–1943 год» города Рославля приводится точное расположение частей и подразделений 43-й армии к моменту немецкого наступления в октябре. «Оборону на Десне 2.10.41 г. здесь занимали уже знакомые нам 43 Армия и ее 211, 222 сд с 1285 сп 60 сд. Участок по р. Стряна от д. Кувшиновка до д. Липовка (на р. Десна у д. Холмец) – 222 сд и 145 тбр, по Стряне с севера 778 сп, далее 145 тбр, в тылу у Шатькова – 774 сп, по Десне (от Стряны до д. Липовка) – 757 сп 222 сд. Участок от Холмец до Новословени (район д. Ломакино) – 1283 сп 60 сд (ополченцы Москвы). От Новословени до Новотрояновки – 894 сп 211 сд. От Кукуевки (против современного Десногорска Рославльского района Смоленской области) до Колодези, перекрывая шоссе, стоял 12 сп 53 сд, затем от Колодези до Дубровки

стоял 223 сп 53 сд (имея даже плацдарм на другом берегу Десны у Караковичи), а на стыке с Брянским фронтом – полк 149 сд (от Дубровки до Фроловки.) В тылу у шоссе стояли 320 сп, 148 тбр, два полка 149 сд и 113 сд 33 Армии».

Генерал Собенников располагал также тремя гаубичными полками и двумя зенитными батареями. Вместе с дивизионными артполками и артиллерией стрелковых полков армия имела 440 орудий и минометов.

В сентябре армии подчинили 10-ю смешанную авиадивизию. Но она лишь считалась таковой, имея 6 исправных истребителей и 4 бомбардировщика. Сил сад хватало лишь на разведывательные полеты.

КП расположился в районе Крапивны близ шоссе.

Что же происходило по ту сторону фронта?

Противник готовился основательно. Чем-то эта подготовка и мощь войск, занявших исходные районы на восточных берегах Десны и Днепра, повышенные меры секретности напоминали июнь минувшего лета, когда германские войска группы армий «Центр» изготовились для броска за Буг.

Командующий группой армий «Центр» сформировал три ударные группировки: северную – 9-я полевая армия и 3-я танковая группа (район Духовщины); центральную – 4-я полевая армия и 4-я танковая группа (район севернее Рославля); южную – 2-я полевая армия и 2-я танковая группа (район Шостки и Глухова).

К концу сентября немцы значительно усилили группу армий «Центр». В нее теперь входили три армии и три танковые группы – 13 армейских и 8 моторизованных корпусов, 72 расчетные дивизии, в том числе 14 танковых и 8 моторизованных. Вся эта армада была выстроена в два эшелона и, как хищник, изготовившийся для решающего броска, затаилась в рославльских и брянских лесах и ждала нужного момента. Нужный момент был определен директивой Генштаба от 17 сентября 1941 года. Директива, кроме всего прочего, требовала от войск строжайшей скрытности и тайны передвижения и сосредоточения.

«Главное командование сухопутных сил обращает внимание на то, чтобы перегруппировки войск группы армий «Центр», необходимые для проведения операции «Тайфун», оставались по возможности скрытными для русских, в особенности передвижения моторизованных соединений в район расположения группы армий «Центр», а также перемещение главных сил авиации.

<...>

...кроме того, следует позаботиться о том, чтобы войска выходили в районы исходных позиций предстоящего наступления по возможности позднее и с применением мероприятий по дезинформации русских.

День начала предполагаемого наступления – «Т» – будет сообщен за три дня (в день «Т» – 3 – в полдень)»⁹.

В сентябре из района Ленинграда в район Рославля была перебросена 4-я танковая группа. Таким образом, из четырех танковых групп, действовавших на русском фронте, для удара на Москву немцы сосредоточили три. Следует также учесть, что именно 4-я имела полные комплекты дивизии и полки, которые накануне были пополнены новыми танками и бронетехникой и доведены до штатной.

Танковые группы фон Бок расположил следующим порядком: из района Глухова и Шостки направлением на северо-запад – через Севск и Дмитровск-Орловский и далее на Орел и Мценск должна была атаковать 2-я танковая группа Гудериана; 4-я танковая группа Гёпнера изготовилась для удара вдоль Варшавского шоссе из района Рославля на Спас-Деменск и Юхнов, правым своим крылом на Киров и Сухиничи, при этом танковые кор-

⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 27.

пуса должны продвигаться вдоль шоссе, а затем поворачивать на север с целью замкнуть кольцо вокруг Вязьмы и обороны советских армий, сконцентрированных там; 3-й танковой группе Гота назначался район севернее Духовщины, танки Гота готовились прорывать оборону советской 19-й армии, которой командовал генерал-лейтенант М.Ф. Лукин.

Забегаю вперед, скажу, что все три танковые группы успешно выполняют свою задачу и на первом этапе «Тайфуна» добьются сокрушительных результатов. Но сопротивление наших отдельных частей, полков, дивизий, противотанковых дивизионов, батарей и просто одиночных орудий заставит их значительно дольше, чем планировалось, задержаться под Вязьмой, у Брянска и Трубчевска, у Юхнова, Медыни и Малоярославца. Сталин переиграет Гитлера и здесь. А генерал Жуков окажется более гибким и удачливым полководцем, чем фельдмаршал фон Бок. Помните, что воскликнул князь Кутузов, наблюдая за продвижением наполеоновских войск к Москве? «Будете конину жрать! Будете...» Так и в 41-м: «Будете в грязи барахтаться! Будете мерзнуть в поле, в окопах, под калеными ветрами русской зимы! Будете вздрагивать от скрипа снега под лыжами русских автоматчиков! Будете...» И, как показали ближайшие месяцы на спаде «Тайфуна», барахтались, мерзли, вздрагивали.

Но вернемся под Рославль, ближе к позициям 43-й армии.

Как уже сказано, из ГА «Север» на центральный участок удара на Москву прибыла 4-я танковая группа. Переброска ее производилась в строжайшей тайне. Москва не должна была знать, какую силу накапливает фон Бок в районе Рославля. Для того чтобы запутать советскую разведку, под Ленинградом, где все это время действовали танковые дивизии Гёпнера, оставили штабной радиопередатчик, который продолжал работать в прежнем режиме с прежними, но теперь уже подставными абонентами. Наша радиоразведка, хорошо зная его стиль и почерк, ничего тревожного не почувствовала. Одновременно с этими мерами предпринимались другие. К примеру, из района севернее Ельни на стыке 4-й и 9-й армий противник постоянно атаковал небольшими подразделениями с ограниченными целями, беспокоя нашу оборону и создавая видимость разведки боем с целью нанесения именно здесь последующего сосредоточенного удара крупными силами.

Исследователь темы вяземского сражения 1941 года Лев Лопуховский в своем капитальном труде «Вяземская катастрофа 41-го года» в главе «Боевой и численный состав войск сторон и общее соотношение в силах и средствах» приводит следующие данные: «На 1 октября в составе группы армий «Центр» насчитывалось 1800 тыс. человек, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 1700 танков, что составляло 42 % личного состава, 75 % танков и 33 % орудий и минометов от общего их количества на советско-германском фронте. Наступление группы армий «Центр» поддерживал 2-й воздушный флот, имевший примерно 1390 боевых самолетов, из них половина – бомбардировщики. По данным американского специалиста по советской и немецкой истории Брайана И. Фугате, группа армий «Центр» без учета личного состава люфтваффе на 2 октября насчитывала 1 929 406 человек, танков 1217, около 700 самолетов». И далее: «...немецкое командование создало самую сильную группировку сил и средств, которую вермахту до сих пор удавалось собрать на одном стратегическом направлении. Но пехотным дивизиям, по немецким данным, по-прежнему не хватало до штата примерно 1500 человек каждой, таким образом, их численность была на уровне примерно 15 500 человек в каждой». «По данным института военной истории, – пишет далее Л. Лопуховский, – численность Западного фронта составляла 545 935 человек. По другим данным, на 25.09.41 в составе этого фронта насчитывалось 544 995 человек (в том числе начсостав – 61 574, младший начсостав – 83 148, рядовой состав – 400 273)»¹⁰.

Здесь следует заметить, что некомплект в своих дивизиях немецкие полевые командиры еще с лета начали усиленно восполнять советскими военнопленными. Как ни горько

¹⁰ Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. М.: Яуза, ЭКСМО, 2006. С. 92–97.

это осознавать, но в немецкий плен часть красноармейцев попадала добровольно. Бросали оружие и поднимали руки при первой опасности. А затем, оказавшись в плену, где главной и единственной целью для них стало выживание, многие пошли служить германской армии, в основном в качестве рабочей силы, обслуживающей и обеспечивающей войска передовой линии. Каждый полк немецкой пехотной дивизии к концу лета 41-го имел сверх штата так называемый *четвертый батальон*, сформированный из коллаборационистов – людей, по различным причинам добровольно перешедших на сторону вермахта и согласившихся служить его интересам.

Четвертые батальоны компенсировали некомплект за счет того, что работа тыловых служб была частично переложена на плечи «хиви» и различных подразделений, сформированных из пленных красноармейцев и местного населения, пожелавшего служить *новому порядку* либо вынужденного эту службу исполнять по различным причинам объективного и субъективного характера.

После нескольких месяцев войны на Востоке, где боевые действия отличались от военных маневров на Западе наибольшим числом потерь, немецкие командиры поняли, что Германия не сможет целиком компенсировать выбывших. В этих обстоятельствах к тыловым работам, на свой страх и риск, они начали привлекать добровольных помощников из числа советских военнопленных (*Hilfswillige*, или сокращенно «хиви» – «желающий помочь»). «Хиви» работали в немецкой армии конюхами, шоферами, подносчиками снарядов, механиками, санитарями, военными строителями, саперами. Они чинили обувь и одежду, стирали, ремонтировали, обслуживали, обеспечивали. Особую группу составляли подразделения по борьбе с партизанами и вооруженные добровольцы. «Хиви» получали довольствие, в том числе продуктовое, вещевое и финансовое – рубли, которые по-прежнему имели широкое хождение, или марки. К примеру, в полосе действий группы армий «Центр» в разное время из числа, так сказать, бывших советских граждан были сформированы боевые единицы – 619-й ост-батальон, 406, 615, 616-й (железнодорожный; г. Орел), 617-й (Почеп), 618-й (Трубчевск – Трубчевский батальон «Народной стражи»), 621-й восточный артдивизион, полк особого назначения «Десна», 1-й Восточный запасной полк «Центр», 602-й ост-батальон «Днепр», 609-й ост-батальон «Припять», 605-й ост-батальон «Волга», 601-й ост-батальон «Березина», русская караульная рота «Гомель», группа «Белый Крест» (Велиж), танковый взвод «Панцер-цуг 682», 752-й артиллерийский батальон, а также сотни зондеркоманд, полицейских и иных формирований. Люди, служившие в этих подразделениях, исповедовали две основных религии: *выжить любой ценой или: хоть с чертом, но против большевиков*. Впоследствии многие из них либо ушли в лес к партизанам, либо оказались в рядах власовских войск.

В недавно вышедшей в Москве книге «Вяземская голгофа генерала Конева» смоленский историк М.Н. Филиппенков, исследуя октябрьские бои в районе Сычевки севернее Вязьмы, часто упоминает о подразделениях «желающих помочь» врагу, которые уже тогда активно действовали во время прорыва нашей обороны в составе 35-й пехотной дивизии вермахта. Трофейные документы подтверждают, что «хиви» участвовали в боевых действиях в период окружения вяземской группировки и ее уничтожения и пленения в районе Холм-Жирковского и Касни.

Так что некомплект немецких дивизий был относительным. Кстати, в число потерь немецкой армии «хиви» не включались. Но это уже другая тема.

Что касается численного состава Резервного и Брянского фронтов, то они имели каждый соответственно 478 508 человек и 225 567 человек. Итого: 1 250 010. Немцы превосходили нашу объединенную группировку и по личному составу, и по вооружению.

26 сентября 1941 года фон Бок подписал приказ о начале операции «Тайфун», в котором, в частности, говорилось: «4-я армия с подчиненной ей 4-й танковой группой наступает

в общем направлении по обе стороны дороги Рославль – Москва. После осуществления прорыва, прикрываясь с востока, поворачивает крупными силами в направлении автомобильной дороги (автострады) Смоленск – Москва с обеих сторон Вязьмы. <...> 2-я армия прикрывает северный фланг 4-й армии. Она для этого прорывает позицию на Десне с основным ударом на своем северном фланге и наступает в направлении Сухиничи – Мещовск. Обеспечить армию от действия противника из гор. Брянск – Орджоникидзеград. Использовать возможность захватить город, особенно ж.-д. пути и переходы, не обращая внимания на линию разграничения с 2-й танковой группой»¹¹.

В тот же день в приложении к оперативному приказу № 13 было установлено время начала операции:

«...дополнительные сведения:

в) время «х» (начало артподготовки) будет указано для всей группы армий накануне вечером. Начало наступления либо на рассвете по световому сигналу на случай возможного тумана (для использования элемента внезапности), либо – в 9.30 (для обеспечения эффективной поддержки артиллерией и авиацией).

При подготовке к началу наступления учесть оба варианта»¹².

«Время «х» назначается на 5.30¹³. Все подготовительные мероприятия к этому часу должны быть завершены.

В указанное время войска открывают шквальный огонь по всему фронту армии.

Время «х» устанавливается независимо от состояния погоды»¹⁴.

2 октября 1941 года, за час до рассвета, перед самой атакой, солдатам группы армий «Центр» зачитали обращение Гитлера:

«Солдаты Восточного фронта!

Через считанные недели все три важнейших промышленных района окажутся в ваших руках!..

Мир еще не видел ничего подобного!..

Территории, которые на сегодняшний день завоевали немцы и союзные нам войска, в два раза превышают территорию нашего рейха...

За три с половиной месяца, мои солдаты, наконец-то создана предпосылка для нанесения врагу последнего и решающего удара, который еще до наступления зимы должен привести к окончательному разгрому врага.

Сегодня начинается последнее величайшее и решающее сражение этого года...»

Непосредственно перед боевыми порядками армии генерала Собенникова к атаке готовилась 4-я танковая группа Гёпнера. В нее входили: 19-я и 20-я танковые дивизии, а также 10-я танковая, ранее действовавшая в районе Рославля, прибывшая с юга 11-я танковая и четыре пехотные дивизии – 252, 258, 3-я и дивизия СС «Рейх». Чтобы понять, какая сила была сосредоточена против 43-й армии в районе Варшавки, приведу численный состав дивизии «Рейх»: полк СС «Фюрер»; полк СС «Дойчланд»; 11-й пехотный полк СС; артиллерийский полк; батарея штурмовых орудий; противотанковый батальон; мотоциклетный батальон; разведывательный батальон; саперный батальон; зенитно-пулеметный батальон и батальон связи. 4-

¹¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 231. Л. 55.

¹² NARA. T312. R150. F000140.

¹³ Указано берлинское время. Немцы в России жили по своему времени. Московское – 6.30, то есть на час позже.

¹⁴ NARA. T312. R150. F000255.

я танковая группа Гёпнера состояла из трех моторизованных корпусов: 40, 46 и 57-го резервного.

На Десне также стояли два армейских корпуса 4-й полевой армии: уже знакомый нам 20-й (292, 298, 78-я пехотные дивизии) и 7-й (7, 23, 197 и 267-я пехотные дивизии).

Как о том свидетельствуют многочисленные источники, немецкие войска превосходили подразделения и приданные части 43-й армии на Спас-Деменском направлении в людях – в 3,2 раза, в орудиях и минометах – в 7 раз, в танках – в 8,2 раза. Противник имел полное превосходство в воздухе.

Генерал Гальдер записал в своем дневнике: «...Лучше всего положение на 1 октября 1941 года в т. группе Гёпнера, которая имеет дивизии полного состава».

Исследователь октябрьских боев на Варшавском шоссе подольский поисковик И.А. Красильников допускает, что на главном участке прорыва – в полосе, непосредственно прилегающей к Варшавскому шоссе, – Гёпнер сосредоточил группировку, которая превышала наши войска: по танкам в 15 раз, а по остальным параметрам от 3,5 до 7 раз. Таким образом, противник стянул достаточные силы и средства для успешного прорыва и дальнейшего проведения масштабной наступательной операции.

Катя Лукина с однокурсницами, такими же комсомолками, как и она, уже третью неделю работала на окопах. Так они называли свое грандиозное сооружение, которое уже начало принимать очертания. Противотанковый ров тянулся от поймы одной речушки к болотистой пойме другой и перехватывал большак от Семирёва на Крайчики и далее на Киров. Речушки назывались – одна, побольше, Десёнкой, а другая Оболонкой. Оболонка была холодной, родниковой. Там они брали воду. А в Десёнке иногда купались, хотя уже заканчивался сентябрь, и ночами было совсем холодно.

На западе, в стороне Десны, иногда гроыхало. Канонада походила на дальнюю грозу, когда неясно, придет она сюда или нет, погроыхает, порокочет в дальних полях и уйдет дальше. Страшнее, когда вдруг из-за леса появлялся самолет. Он всегда появлялся неожиданно. Выныривал из-за леса, поблескивая на солнце стеклами фонаря кабины, стремительно скользил над полем своим тонким поджарым контуром, потом над деревней, что лежала за лесом на большаке, разворачивался и проносился над их рвом. Он оглушал рокотом мотора, косою угловатый крест его огромной тени, казалось, срезал все живое, не успевшее укрыться во рву или в придорожном кювете. Иногда из самолета белым снегом сыпались листовки. Катя никогда не унижалась до того, чтобы прикасаться к ним. Так им было приказано, так они постановили на комсомольском собрании. Но содержание многих им было известно. Листовку можно было читать и не прикасаясь к ней. «Милые дамочки! Не копайте ямочки!..» И так далее. К ним летал один и тот же самолет. Они его приметили по раскраске и масляному пятну под мотором на капоте.

– Разведчик, чтоб ему лихо было! – говорил нормировщик дядя Игнат.

Дядя Игнат приходил к ним из деревни Трусовки, где работала вторая бригада, копавшая им навстречу от речки Оболонки. Дядя Игнат был добрым человеком, и иногда, когда кто-нибудь из Катиных подруг не выполнял суточную норму, все равно ставил в своей тетрадке: «вып.». Он все здесь знал. И его все знали. Даже бойцы, которые охраняли склад каких-то ящиков, ровными штабелями сложенных в зарослях ольховника неподалеку от дороги на Трусовку, частенько по разным делам и надобностям приходили к нему.

Командовал ими лейтенант в новенькой шинели и новеньких ремнях, с новенькой кобурой пистолета на боку. Бойцов у него в команде было немного, человек шесть или семь. Они охраняли склад. Жили в палатке, поставленной там же, у штабелей.

Лейтенант выглядел совсем мальчишкой, похожим на первокурсников, над которыми Катя и ее подруги всегда свысока посмеивались. Но ростом он был выше самой высокой

из них почти на голову. Когда Катя сказала ему, что его подчиненный, часовой Порфирий Фомич не пропускает их по стежке к колодцу, он ответил, что теперь здесь ходить запрещено – территория склада, но взглянул на нее и тут же покраснел. Все это заметили и вечером сказали Кате:

– Катюх, лейтенант-то в тебя влюбился.

– Да ну вас...

– Точно-точно! Ты что, не видела, как он на тебя смотрел?!

– А что, Катюх, он симпатяга!

– И высокий. Тебе как раз под стать.

Она отмахивалась от подруг. А потом, оставшись одна, вдруг вздохнула и задумалась...

Однажды дядя Игнат, глядя на заходящее за лес солнце, сказал:

– Неумно артиллеристы свой склад расположили. Вот засекет их германский ероплан, наведет других... Что тогда тут будет?

Но вскоре там, за горбовиной поля, где виднелись трубы деревенских изб, появилась зенитка. К удивлению всех, расчет зенитки состоял из девушек. Таких же, как Катя. Только они были в военной форме и потому выглядели постарше студенток.

Зенитчицы обставили зенитку елочками, замаскировали ветками ольхи и березы. Соорудили навес, накрыли его льняной соломкой, привезенной с окрестного поля с разрешения дяди Игната.

Ну, теперь они ему дадут, решили все и стали ждать прилета немца.

Самолет прилетел после обеда. Зенитка сделала по нему четыре выстрела. Белые облачка взрывов зенитных снарядов вспыхивали то ближе, то дальше от поджарого корпуса самолета. Ловко маневрируя между ними, он миновал зону огня, сделал крутой вираж, нырнул вниз, и через мгновение зенитка, навес из льняной тресты, натканные в землю елочки маскировки потонули в огне, дыму и пыли. Потом самолет прошелся вдоль рва, поливая из пулеметов всех, кто в нем находился.

До вечера Катя Лукина с подругами разыскивали разбежавшихся по лесу и по пойме девчат. Некоторые были ранены и требовали медицинской помощи. Некоторые были напуганы так, что не могли произнести и слова. Их посадили в подводы и развезли по деревням, где они квартировали. Вечером хоронили убитых. Трех студенток, одну женщину из заводской группы и пятерых зенитчиц. Хоронили без гробов, завернув в плащ-палатки и одеяла.

Среди погибших лежало тело Катиной подруги, однокурсницы Веры Варенцовой. Катя хорошо знала маму Веры и ее старшую сестру. Она смотрела на бледное лицо подруги, и ее охватывал ужас: как же так, они еще утром вместе бегали на реку умываться, смеялись, шутили по поводу лейтенанта, а теперь... Как она скажет о смерти Веры ее маме?

Лейтенант был бледен и уже не выглядел мальчишкой. Вместе с пожилым бойцом Порфирием Фомичом, другими бойцами и дядей Игнатом он переносил к могиле тела убитых. Потом всех сложили внизу, в один ряд и начали закапывать.

На следующий день на работу вышли не все. Раненых увезли в райцентр. Несколько человек сказались больными. Перемычка, отделявшая одну бригаду от другой, в этот день сокращалась гораздо медленнее. Вечером дядя Игнат пробежал по ней с «костылем» и сказал:

– Девушки! Тридцать метров! Нормы нет! Давайте так: ужин вам через пару часов я привезу прямо сюда, поужинаем, отдохнете часок и – за дело. Надобно еще хотя бы по пять метров с каждой стороны.

Все молчали. Посматривали на заходящее солнце. Там летали птицы. Самолет в этот раз не прилетал.

Ночью, когда лопата из рук Кати буквально вываливалась, а сознание начал опутывать морок непреодолимого сна, кто-то незнакомо тронул ее за плечо и взял из рук лопату. Она подняла глаза и увидела лицо лейтенанта.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Катей.

– А меня Иваном. Ваней. – Видимо, он улыбнулся. Она не разглядела в темноте. – Если хочешь, поспи. А я за тебя поработаю.

Он расстелил на дне рва свою шинель. Катя послушно легла в ее тепло, поджала ноги, укрыла их сырыми от росы полами шинели и тут же уснула.

В полночь бригады закончили работу и разошлись по деревням на ночлег. Про Катю забыли.

Лейтенант, радуясь, что девушка осталась с ним одна, работал всю ночь. Он рубил песчаную стену рва, выбрасывал землю на среднее плечо, потом поднимался туда на лестнице и снова перебрасывал тот же грунт наверх. Еще не рассветало, когда, сменившись на посту, к нему пришел пожилой боец Порфирий Фомич и тоже взялся за лопату. Свою шинель он тоже снял и укрыл ею спящую девушку.

Когда пришли бригады, они успели отрыть примерно около полутора метров рва. Оставалось около десяти метров.

Бригады в этот день сократились еще на треть.

На западе в стороне Десны в это утро загрохотало по всему горизонту. Иногда вспыхивало и подолгу трепетало над лесом зарево.

Лейтенант и Порфирий Фомич ушли. Старый боец забрал свою шинель, а лейтенант будить Катю не стал.

Девушки издали наблюдали за ним и завидовали Кате.

Дядя Игнат пробежал со своим «костылем» вдоль перемычки, отмеченной двумя рядами белых колышков, и сказал:

– Похоже что началось.

Женщины вначале не поняли его, ожидая, что он скажет, сколько метров осталось им копать.

– Слышите? – Дядя Игнат указал пальцем на запад, где непрерывно гудела канонада, и палец его дрожал. – Бьются. Германец на прорыв пошел. Спешить нам надобно, девоньки мои милые. Давайте, давайте. – И сам взялся за лопату.

Его родная деревня Трусовка была за рвом. Сестра жила в соседнем Воронцове. Воронцово в километре за небольшим перелеском и полем. Тоже за рвом. За речкой Десёнкой от Воронцова в деревне Полянке жил сын со снохой и тремя детьми, внуками Игната. Сын еще в июле ушел на фронт. Теперь тоже где-то воевал. Может, там, под Рославлем и лежит сейчас в окопе, подумал дядя Игнат. Он налегал на лопату, твердо веря в то, что, если он со своими женскими бригадами успеет перекопать перемычку, то германец в их деревни точно не пройдет.

Вскоре на дороге запылили грузовики. Один за другим они подъезжали к складу и тут же, быстро загрузившись, уезжали в сторону деревни Суборово.

К полудню верхами на взмыленных лошадях прибыли двое военных интендантов и приказали срочно сворачивать работы и уходить. Дядя Игнат потребовал у военных документы. Документы оказались в порядке.

– Давайте, товарищи женщины, быстро эвакуируйтесь. На станции вас уже ждет состав. А здесь сегодня, возможно, будет бой.

– Что, – спросил дядя Игнат, – на Десне не удержались?

Дорогу приказано было оставить для проезда автотранспорта в сторону Кирова и станции Занозной.

«Значит, бегут наши, – подумал дядя Игнат, – вот и понадобилась им теперь эта дорога».

Бригады быстро очистили ров, и через несколько минут белые косынки уже мелькали в березняке в сторону Воронцова, Трусовки и Полянки, где квартировали калужанки. Катя Лукина с подругами осталась.

– Дядя Игнат, наша комсомольская группа приняла решение остаться и продолжать работы, несмотря...

Дядя Игнат замахал руками:

– Уходите, девоньки, бегите, пока можно.

– Но ведь ров не закончен, – попыталась было возразить Катя.

– Командование вон приказало дорогу оставить. – И дядя Игнат кивнул на верховых, которые поехали в сторону артиллерийского склада. – Вроде оборона тут будет. Бой. Так что уходите.

На правом берегу речки Десёнки от Семирёва на Киров параллельно этому шел другой большак. Там они еще на прошлой неделе выкопали траншеи и окопы. Тоже приезжали лейтенанты с инженерными петлицами, сделали трассировку, расставили колышки и уехали.

Только уехали верховые, на дороге от Суборова показались две запряжки с артиллерийскими передками и небольшими приземистыми пушчонками со скошенными щитами. С передка соскочил чернявый младший лейтенант и распорядился: туда ставить первое орудие, туда второе.

Дядя Игнат, наблюдая за суетой артиллерийских расчетов, покачал головой: и этими пукалками они хотят остановить германские танки?..

– Вы руководитель работ? – подскочил чернявый.

– Точно так, товарищ командир. – И дядя Игнат поднес к козырьку кепки-восьмиклинки дрожащую ладонь, сложенную ковшиком.

– По карте... – Младший лейтенант замялся, глядя по сторонам. – Я имею сведения, что где-то в этом районе должен находиться артиллерийский склад.

– Точно так. Склад имеется. Вон там, между речкой и дорогой в лесочке. Да я вас сейчас провожу.

«Они еще и без зарядов сюда прибыли», – подумал старый солдат, еще в шестнадцатом году дравшийся с немцами под Августовом. Ну да, пожарные всегда на пожар приезжают с пустой бочкой...

И только он это подумал, как за Оболонкой над лесом появились несколько черных точек. Точки приближались с каждым мгновением. Послышался рев моторов. Рев нарастал, приближался. Точки распластались по одной линии, и у них начали отрастать крылья.

– Воздух! – закричал младший лейтенант и кинулся назад, к орудиям.

Одну пушчонку артиллеристы успели закатить в низину, в заросли орешника. Лошадей отогнали в лес. А другую налет застал на лугу. Расчет растерялся, заметался по луговине. Одна из лошадей споткнулась, остальные понесли. Орудие опрокинулось. Испуганные лошади встали. Ездовые то принимались хлестать их кнутьями, то хватались за поводья.

Дядя Игнат успел заметить, как в ров успела спрыгнуть стайка девушек, которых он ни в какую не мог спровадить в деревню. «Вот не послушались, козиное семя», – в сердцах подумал он и сунулся в придорожный кювет.

Самолетов было много, около десяти или больше. Вначале они накинулись на колонну грузовиков, сгрудившихся у места через Оболонку. Потом часть отделилась и ушла в сторону Суборова. Оставшиеся выстроились в круг и кидались то на артиллерийский склад, то на одинокую пушку. Пушку вскоре разнесло вместе с лошадьми и расчетом. Артиллерийский склад тоже накрыло гарью и пылью. Там что-то горело.

После, когда самолеты улетели, выяснилось, что ни одна бомба в штабеля артиллерийских снарядов не попала. Порфирий Фомич возле искореженной зенитки поджег несколько автомобильных покрышек, обложив их снопами льна. Резина загорелась, задымила, накрывая непроницаемым черным дымом склад. Немецкие летчики, по всей вероятности имея точные разведанные о расположении склада, решили, что цель накрыта, и улетели.

Трое бойцов из охраны склада погибли. Погиб и весь артиллерийский расчет противотанковой пушки вместе с младшим лейтенантом.

Второй расчет уже ставил станины на передок, когда пришел лейтенант.

– Вы куда? Какой у вас приказ?

– Взводный убит. Наш наводчик тоже убит, – сказал сержант-артиллерист, командовавший расчетом. – Да и снарядов у нас всего шесть штук, и те осколочные и шрапнель.

– Снаряды есть на складе. За наводчика могу я. Устанавливайте орудие вон там. Отройте окопы. Орудие осадите как можно ниже. Это – приказ. Выполняйте.

Так прошел день. Наступила ночь. Дядя Игнат и девушки ушли в деревню.

Всю ночь по большаку через Воронцово к фронту шли войска, тянулись обозы гужевого транспорта. На рассвете поток на какое-то время поредел, замер, а потом вдруг пошел в обратную сторону. Теперь по большаку тянулась бесконечная вереница беженцев.

– Народ пошел, – предчувствуя самое худшее, сказал дядя Игнат, глядя на пестрый поток, наводнявший большак; поток тот двигался в одном направлении, заполняя дорогу от кювета до кювета.

Несколько раз налетали немецкие самолеты, на бреющем стреляли из пулеметов. Мертвых складывали во рву. Закапывать их времени не было. Вечером убитых закопали батарейцы.

Дядя Игнат по несколько раз на дню, бросая свои дела, приходил ко рву, обходил его с той и с другой стороны, останавливался у перемычки, похожей на земляной мост, и, глядя на запад, думал, хорошо это, что они не успели перекопать дорогу, или плохо. С одной стороны – хорошо: дорогой можно пользоваться, Полянский большак за Десёнкой тоже забит; а с другой – вот-вот могут появиться немцы.

Они появились следующим утром, когда дядя Игнат вместе с Катей пришли к своему рву.

Катя осталась в Воронцове, решив подождать еще сутки. Ее подруги ночью ушли на станцию и теперь, должно быть, ехали на поезде в сторону Калуги, домой. Что заставило Катю бросить подруг и остаться в деревне, она и сама толком не понимала. Хотелось подольше побыть рядом с Ваней. Каждую ночь она выходила в поле, зная, что он уже ждет ее там. В поле у дороги между Трусовкой и Воронцовом рос огромный вяз. Вот под тем старым вязом они и проводили все ночи напролет.

Склад артиллерийских снарядов таял на глазах. Ночью полуторки и ЗиСы вывезли ящики с гаубичными зарядами. Остался штабель 37-мм и 76-мм снарядов.

Утром, чуть только рассвело, в стороне Десны вдруг затихло. Канонада и зарево полыхали всю ночь. А тут вдруг и пожары прекратились.

Катя и лейтенант увидели дядю Игната, идущего по дороге в сторону рва.

– Вы куда, дядя Игнат? – спросил его лейтенант.

Тот остановился. И сказал:

– Девчонку бы надо в деревню отправить. Пошли, лейтенант.

Через некоторое время в стороне Суборова, за речкой Оболонкой, поднялась стрельба. Резко бахали наши винтовки, часто стучал немецкий пулемет. Потом затихло.

Лейтенант еще с вечера приказал своим бойцам перенести оставшиеся ящики со снарядами в лес и закопать их в землю. Теперь они сидели в окопах рядом с сорокапяткой и всматривались в утренний туман, застилавший переезд за рвом. Вскоре там послышался сту-

коток мотора. На пригорок выскочил мотоцикл с коляской. Не доезжая до рва, развернулся. В коляске завозился человек. Все поняли – пулеметчик. Второй мотоцикл проскочил вперед. Он доехал до рва, миновал перемычку, резко развернулся и умчался за переезд. Вслед за ним двинулся и первый мотоцикл.

– Разведка.

Через несколько минут за переездом загудели моторы.

– Давай! Быстро! – скомандовал лейтенант своим бойцам.

Те подхватили два деревянных ящика и побежали к большаку.

– Это ты правильно придумал, – похвалил лейтенанта дядя Игнат. – Мины – дело толковое.

Колонна двигалась медленно, словно чувствуя, что ее гусеницы подминают чужую землю. Чужая земля – потемки.

Бойцы вернулись, доложили, что дело сделано. Оставалось терпеливо ждать.

Орудие было установлено совсем близко от перемычки. Лейтенант сосчитал это расстояние – сто двадцать четыре шага.

Впереди шел танк. Поблескивали траки его грохочущих гусениц, из распахнутого люка приплюснутой башни высывалась фигура танкиста. Черная куртка с нашивками, такая же черная пилотка. Танкист поднял руку, что-то крикнул вниз, видимо отдавая приказ механику-водителю, и танк, качнувшись, остановился. Остановилась и вся колонна, головой уже вылезшая в поле.

Вперед снова выскочили два мотоцикла.

– Эх, мать честная! – выругался дядя Игнат.

Но мотоциклы благополучно миновали переезд. И Порфирий Фомич, отвечавший за установку мин, засомневался, гожие ли взрыватели им попались.

Мотоциклы понеслись в сторону Воронцова. А передовой танк снова рыкнул мотором, выбросив над кормой облако сизого дыма, и, качнувшись, двинулся к перемычке.

– Бери в прицел второго, – шепнул дядя Игнат лейтенанту, сгорбившемуся у панорамы прицела.

– Знаю. Поднесите снаряды поближе.

Взрыв был такой мощности, что танк буквально развалился на части. Сработали сразу две мины и боекомплект.

Одновременно дернулась всем своим корпусом сорокапятка, и шипящая трасса ушла низко над полем, над снопами льна и брызгами рассыпалась на лобовой броне второго танка. Тот тоже задымил. Вторая трасса влипла в его броню почти рядом.

– Давай осколочные! – командовал лейтенант.

Через два часа немецкая колонна уже шла по большаку через Воронцово на село Закрутое и дальше на Киров.

Позиция одиночного противотанкового орудия дымилась воронками. Из земли торчали искореженные взрывами авиабомб станины сорокапятки.

Немцы вошли в Воронцово. Одна из частей остановилась на постой. Офицер приказал местным жителям закопать убитых в поле красноармейцев. Своих убитых они привезли на танке и закопали под липой у дороги. На церемонию похорон собрали и жителей деревни. Офицер, немного знавший по-русски, сказал, что после того, как германская армия успешно завершит свой поход на Восток, эта деревня и окрестные селения и земли будут принадлежать семьям этих солдат.

Катя тоже пошла хоронить убитых красноармейцев. Она почти бежала, все еще не веря, что ее Ваня погиб.

Когда откопали опрокинутое орудие, под щитом нашли еще одного. Он оказался живым. И это был Иван.

Женщины перенесли его вначале в лес, а потом, когда стемнело, в деревню.

Зимой над Воронцовом пролетел самолет с красными звездами и разбросал листовки. Из них жители узнали, что под Москвой немцу сильно досталось и теперь он отступает, бросая технику и своих раненых. В январе Катя и Иван ушли в лес к партизанам.

В 60-х годах в селе Закрутом поставили памятник погибшим. В братскую могилу начали со всего сельского совета свозить останки бойцов и командиров, павших здесь в 41 – м и 43-м годах. Приехали родственники тех, кто был известен и кого смогли отыскать. Среди гостей была пожилая пара: мужчина с орденскими планками на пиджаке и женщина примерно тех же лет. Мужчина сказал, что знает, где похоронены его боевые товарищи, с которыми он здесь в октябре 41-го держал оборону в устье речки Оболонки.

Часть рва, там, где было колхозное поле, после войны засыпали, и на нем росла пшеница. Но другая часть, от перемычки уходящая к речке Десёнке, осталась. Мужчина отсчитал от нее сто двадцать четыре шага и сказал:

– Копайте здесь.

Через полметра лопата звякнула о каску...

Глава 3 День «Т»

«Противник на всем фронте армии открыл ураганный огонь...»

Ранним утром 2 октября. – Упорные бои на Десне, Шуйце и Снопоти. – Сводки первых дней октября. – Успешные действия нашей авиации или невладение реальной обстановкой. – Генерал Собенников пытается маневрировать вторыми эшелонами. – Отход. – Бои остатками дивизий на реках Снопоть и Шуйца. – Контрудар, который не состоялся. – Гибель полков. – Армия теряет управление. – Взвод лейтенанта Крупенникова. – 17-я стрелковая дивизия на рубеже у Латышей и Ковалевки

Ранним утром 2 октября 1941 года начальник штаба Резервного фронта генерал-майор Анисов докладывал в Ставку:

«<...>

5. 43 А.

Войска армии продолжают оборонять прежний рубеж по р. ДЕСНА и ведут бой с противником, перешедшим в наступление на правом фланге и в центре армии. Противник в 6.15 2.10.41 на всем фронте армии открыл ураганный огонь и в 6.30 перешел в наступление.

222 сд. Положение частей без изменений. В течение ночи противник активности не проявлял. В 6.15 2.10.41 открыл артиллерийский и минометный огонь и в 6.30 перешел в наступление силой до батальона пехоты с танками в районе НОВОСЕЛЬЦЫ.

211 сд. В 21.00 1.10.41 противник силою до двух взводов пехоты с двумя танками при поддержке минометов оттеснил БО и занял клх. БОГДАНОВСКИЙ. В 6.15 противник форсировал р. ДЕСНА и на левом фланге дивизии занял СЕРЕБРЯНКА, КУКУЕВКА. Бой продолжается.

53 сд. Положение частей без изменений. В 2.30 в районе ДУБРОВКА противник пытался переправить мелкие группы пехоты, но огнем нашей артиллерии был отброшен.

145 тбр ведет бой совместно с частями 222 сд в районе НАТАЛЬИНО, уничтожила 4 ПТ орудия, один мотоцикл и два минометных расчета противника»¹⁵.

О своих потерях никаких сообщений нет.

Из вечерней сводки того же дня:

«43 А.

Войска армии с утра 2.10.41 под натиском противника силою не менее семи пд, одной тд и одной мд оставили вост. берег р. ДЕСНА и к 17.00 2.10.41 вели бой на рубеже:

222 сд – ПЕРЕДЕЛЬНИКИ, НОВОСПАССКОЕ, лес вост. МАТВЕЕВКА, ВЕТРОВКА, ЧЕБОТАРЕВКА. Перед фронтом дивизии части 292, 268 и 15 пд противника.

211 сд – ведет бой на рубеже: (иск.) ЧЕБОТАРЕВКА, ЛЕЖНЕВКА, НОВ. СОЛОЖА, НОВ. ЛЕЖНЕВКА, САБЕЕВО, ПОПОВКА. Перед фронтом дивизии части 267, 123 пд противника, развивающие удар в направлении НОВ. ГАВРИЛОВКА, ЗАБОЛОТБЕ. В результате контратак вторых эшелонов дальнейшее продвижение противника остановлено.

¹⁵ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 86. Л. 26.

53 сд – вела бой с противником на рубеже СТАР. ПРИСМАРА, НОВ. ПРИСМАРА, СЫРОКОРЕНЬЕ, ДЕНИСОВКА, ДМИТРОВКА, ЧЕРЕПЫ, НОВОГОРОДЧИНО. Перед фронтом дивизии 197, 252 пд и тд противника.

В 17.00 до 40 танков противника двумя колоннами прорвались ОСИНОВКА 1-я, ЗАБУДСКАЯ.

145 тбр ведет бой совместно с 222 сд в р-не НОВО-СЕЛЬЦЫ.

148 тбр сосредоточилась в р-не ГУРЯТЫ, КРУТОЙ ХОЛМ, ПАНЯТА и готовится для контратаки совместно с 149 сд в направлении ДАНИЛОВИЧИ.

149 сд – в прежнем р-не и готовится к контратаке в направлении ДАНИЛОВИЧИ. До 45 самолетов противника бомбили р-н расположения дивизии в момент выхода ее в контратаку.

113 сд – в прежнем р-не. Один полк этой дивизии выводится в р-н СУБОРОВО, ОТНОСОК, МОИСЕВСКИЙ. Пехота пр-ка силою до батальона... овладела КРАСНАЯ ЗВЕЗДА. Данные уточняются»¹⁶.

Судя по донесениям штаба Резервного фронта, в эти дни довольно успешно действовала фронтовая авиация. Правда, переломить ход событий она все же не смогла. Либо в донесениях содержалась не вся правда. Резервным фронтом в это время командовал маршал С.М. Буденный. В конце концов он потерял связь с армиями, и дело под Москвой на центральном участке обороны едва не закончилось полной катастрофой.

В том же донесении: «Произведено 33 самолетовылета. Уничтожен один аэростат-корректировщик и в воздушном бою сбито пять самолетов пр-ка. Наших потерь нет»¹⁷.

Генерал Собенников, еще надеясь на глубину своей обороны и на то, что в тылу у него стоят дивизии 33-й армии, маневрировал своими вторыми эшелонами и пытался сдерживать натиск немцев. Но сорок танков севернее шоссе в районе Сырокоренье и Осиновки – это уже крупная группировка, которую пехотой не удержишь. Армия пятилась вдоль Варшавского шоссе к Крапивне и Кузьминичам. Тогда, в 41-м, это была Смоленщина. Теперь – граница Смоленской и Калужской областей.

В архиве Министерства обороны сохранились донесения штаба Резервного фронта. Давайте посмотрим, что нам поведают документы.

Из оперативной сводки № 135 на 6.00 3 октября
1941 года:

«Штаб Резервного фронта.

г. Гжатск. 9.00 3.10.41.

Карта 100 000 и 50 000.

1. На правом крыле Резервного фронта войска в течение ночи на 3.10.41 продолжали смену частей 49 А. На левом крыле фронта войска 24 и 43 А ведут упорные бои с противником, прорвавшимся вдоль шоссе РОСЛАВЛЬ– МОСКВА. <...>

3. 49 Армия.

Войска армии продолжают сосредоточиваться в районах станций погрузки. 194 сд – к 5.00 3.10.41 отправлено со станции СЕМЛЁВО три эшелона. <...>

6. 43 Армия.

Войска армии в течение ночи вели бой с частями противника, производили частичную перегруппировку и готовились с утра 3.10.41 для нанесения контрудара по прорвавшемуся противнику.

222 сд – изменений в положении частей не произошло.

¹⁶ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 86. Л. 39.

¹⁷ Там же.

211 сд – ее 896 и 887 сп под натиском противника отошли в район ИВАНОВКА, ВЕДЕРНИКИ, ГОРБОЧЕВКА, ЗАБОЛОТЬЕ. 194 сп, предположительно, в районе НОВ. ДАНИЛОВКА, лес юго-вост. ВОРОБЬЕВКА. Противник за ночь вышел на рубеж ЖАРНА, БЛАГО ДАТНАЯ, ЗАГУДАЕВКА, ВЕТИТНОЕ, х-ра НИКОЛЬСКИЕ.

53 сд – с утра 3.10.41 два полка дивизии начали отход с рубежа СТАР. ПРИСМАРА, ПОКРОВСКОЕ на рубеж СВИРИДОВКА, СЕРГЕЕВКА. О местонахождении третьего полка дивизии сведений нет.

Штадив – ВЫГОРЬ.

149 сд – не выполнив задачи, отошла в район ГАРЬ, ПАРИЖ, роща севернее и восточнее ПАРИЖ. Причины выясняются.

148 тбр сосредоточилась в районе КРАПИВНА, ДУДАРЬ.

113 сд двумя полками на прежнем рубеже. Один полк к 22.00 2.10.41 выдвигается в район СУБОРОВО, его местонахождение выясняется.

145 тбр сосредоточилась в лесу юго-вост. ВОРОБЬЕВКА.

7. 33 Армия.

Части армии приведены в боевую готовность и ведут боевую разведку. Противник в течение всего 2.10.41 вел активную авиаразведку расположения армии.

На участке 173 сд в районе ХАТОЖКА к 20.00 2.10.41 обнаружено появление танковой разведки противника в количестве пяти танков. Встреченные истребителями танков дивизии, танки противника отошли на запад. В

18.00 2.10.41 КП дивизии подвергся бомбежке авиацией противника. Результаты уточняются»¹⁸.

Из оперсводки можно понять следующее. 43-я армия дерется по всему своему фронту. Противник превосходит. Удержать его невозможно. Части правофланговой 49-й армии продолжают грузиться для переброски на юг, в район Харькова. Но до места назначения эшелоны не дойдут. Многие будут разбиты и уничтожены вместе с личным составом и вооружением в пути. Другие выгрузятся по пути следования в разных местах, где их застанет немецкое наступление. К примеру, упомянутая в донесении 194-я стрелковая дивизия окажется разорванной на три части и тремя разрозненными группами вступит в бой. К середине октября одна группа будет драться за Калугу, другая за Серпухов, третья отойдет к Туле и встанет насмерть на тульском рубеже¹⁹.

Очень пассивно в этих обстоятельствах ведет себя 33-я армия, занимающая позиции во втором эшелоне за 43-й армией. Чего стоит только донесение о том, как отбита «танковая разведка противника». В сущности, разведка и не атаковала. Она появилась. К сожалению, истребители танков не смогли подбить ни одной машины, чтобы захватить пленных и выяснить, что же за части бродят по дорогам в тылу у дивизий первого эшелона.

33-й армией в эти дни командовал комбриг Д.П. Онуприенко. Документы, с которыми мы ознакомимся буквально на следующих страницах, к сожалению, засвидетельствуют полную несостоятельность комбрига как военачальника уровня командующего армией. Работники НКВД оказались слабыми полководцами. Д.П. Онуприенко был ставленником и протеже Лаврентия Берии. Из-под Рославля комбриг попросту бежал, бросив войска и своих солдат²⁰.

¹⁸ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 86. С. 37.

¹⁹ О странной, нелогичной переброске дивизий 49-й армии в самый канун немецкого наступления читайте первую книгу серии «Забытые армии. Забытые командармы» «Серпухов. Последний рубеж». М.: Центрполиграф, 2011.

²⁰ О роковой роли, которую сыграл Д.П. Онуприенко в трагической судьбе командующего 33-й армией генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова, см. во второй книге серии «Забытые армии. Забытые командармы» «Трагедия 33-й армии». М.: Центрполиграф, 2012.

Вот о чем свидетельствует боевое донесение штаба 43, которое было составлено к 16.00 3 октября 1941 года и по радиосвязи переправлено в штаб Резервного фронта тогдашнему комфронта маршалу С.М. Буденному:

«ЛЮБУНЬ. 16.00 3.10.41.

Карта 100 000.

К 15.00 3.10.41 г. 43 Арм. занимает следующее положение.

1. 222 сд ведет бой фронтом на ю.-з. на рубеже БОЛОВЕЦ, МУТИЦЕ, ПЕТУХОВКА, БАРСУКИ.

757 стр. полк в лесу ю.-з. МУТИЦЕ.

На фронте дивизии действуют сильно потрепанная 268 пд, 15 и 292 пд.

Связь с 222 стр. див. только по радио.

2. 211 див. своими всеми полками численностью каждый до 150 человек ведет бой восточн. ВОРОБЬЕВКА. Пространство от ЗАБОЛОТЬЕ до КОТЛИНО никем не занимается. На фронте дивизии действуют 267 пд и часть 23 пд, усиленные танками до батальона. Противник развивает удар в направлении ВОРОБЬЕВКА, ХОЛМ, ЗУБОВО. К 14.45 ЗУБОВО, БАБИЧИ заняты противником силою до двух пп с небольшим количеством танков. По непроверенным данным, НОВ. БЕРЕЗОВКА занята невыясненными частями. ХУТ. ПАВЕЕВА ГОРА до 300 мотоциклистов.

Связь с 211 див. только по радио.

3. 53 див., понесшая большие потери, отходит на рубеж КРАПИВНА, а в дальнейшем на р. ШУЙЦА сев. УТЕШКОВО, СУБАРОВКА. Отходящие подразделения находятся под воздействием танков и авиации противника. На фронте див. действуют 23, 197 и 52 пд не менее 2-х мотодивизий и отдельный 17-й мотомехполк, который, по показаниям пленных, 27.9.41 выступил из г. МИНСКА. Противник, развивая удар вдоль МОСКОВСКОГО шоссе и в направлении ДУЛЕВО, ТЕРЕБИВЛЯ, СУБОРОВО, ЛАТЫШИ, стремится выйти в тыл 43 армии.

Небольшая мотомехгруппа противника в 7.33 3.10.41 достигла ЛАТЫШИ и мотоциклетная группа – ст. ФЕЛИКСОВО.

Связь с 53 див. радио и делегатами.

4. 149 сд и 148 тбр не удалось нанести контрудар в направлении ЗАБУТСКАЯ, НОВАЯ, так как противник активно действовал в течение всей ночи. 148 тбр вела бой с танками и мотопехотой противника на р. ШУЙЦА и участке ГАРЬ, ДУДАРЬ. 744 стр. полк после боя на р. ШУЙЦА совместно со 148 тбр под ее прикрытием отошел на р. СНОПОТЬ, на участок КУЗЬМИНИЧИ, СЕЛИЛОВО. Батальон 568 стр. полка вел бой на рубеже КАШИРИНО и под ударами танков и мотопехоты отходил на ЖЕРЕЛЁВО, где находятся остальные два батальона. 568 полк – сведения не получены. 479 стр. полк на вост. берегу р. СНОПОТЬ в р-не ПОЧИНОК, ЧЕРЁХЛЯ. Штаб 149 сд в лесу у ЛУГОВАЯ БУДА. Противник развивает удар вдоль шоссе силою до 100 танков и мотопехотой. Связь с див. только по радио и делегатами.

5. 113 див. Ее один полк занимал рубеж по р. ШУЙЦА на фронте ГАРЬ, СЕРГЕЕВКА, находясь под ударом танков противника в направлении КАШИРИНО, БОРОВЕНКА, отошел на р. СНОПОТЬ. 1290 стр. полк удерживал рубеж по р. ШУЙЦА на участке КОЗЛОВКА 1-я, ЯСНАЯ ПОЛЯНА. Полк атакован силою до 70-ти танков с мотопехотой в направлении ЯМНОЕ, ГРИГОРЬЕВКА. По докладу нач. штаба 113 див., полк удерживает рубеж по р. СНОПОТЬ. <Начало предложения неразборчиво> полк, которому ставилась задача занять р-н БАРСУКИ, ВОСКРЕСЕНСК, ЧИПЛЯЕВКА, не вышел в этот р-н, а вел бой с мотомехчастями противника на рубеже ДЕДОВО-ПЕТРОВИЧИ, МАМИЧЕВ УГОЛ, СЕМИРЁВО. Сведения о положении полка к 15.00 3.10.41 не получены.

6. Противник систематически воздействует на части армии авиацией, группами по 6–8 самолетов, всего на фронте 43 армии действует до 120 бомбардировщиков и истребителей противника.

7. По данным начальника штаба 33 арм., танки и мотопехота прорвались на КИРОВ. К КП 33 армии ГАЙДУКИ подходят танки. Идет бой.

СОБЕННИКОВ. ЯКОВЛЕВ. ЗУЕВ»²¹.

День 3 октября был одним из тяжелейших для 43-й армии. Генерал Собенников провёл его на НП командира 149-й стрелковой дивизии. Несколько часов назад он отдал приказ контратаковать противника встречным ударом танковой группы при поддержке пехоты. Но немецкие пикирующие бомбардировщики расстроили порядки еще на исходных. Часть танков была выведена из строя. Батальоны разбежались по лесу. Слишком угнетающе действовал на бойцов армии явный перевес сил противника. Вместе с офицерами своего штаба командарм собирал по лесам и на дорогах бегущих бойцов, возвращал в строй, на позиции, организовывал противотанковую оборону. На основные пути отхода он выслал группы из числа офицеров штаба, работников политотдела и сотрудников особого отдела. Эти чрезвычайные меры на какое-то время вновь сплотили остатки армии и задержали врага на несколько часов. Но вскоре прорыв наметился на другом участке, на третьем и четвертом... Ограниченные силы армии не могли сдержать натиска значительно превосходящих сил противника.

В донесении штаба 43 четко прослеживается соотношение сил, которого противник достиг к началу операции «Тайфун»: немцы превосходили наши войска в живой силе примерно в три раза. Точная цифра появилась позже, когда офицера Генштаба произвели подробный разбор событий, хронологически охватывающих период битвы за Москву: сентябрь 1941-го – апрель 1942 года. А тогда, в первых числах октября, красноармейцы просто не могли поднять головы. Море огня. Противник был везде, и сила его ударов нарастала с каждой новой атакой. Из оперсводки генерала Собенникова следует: перед фронтом 222-й сд стояли части немецких 268, 15 и 292-й дивизий, то есть, по сути дела, силы корпуса, да еще усиленные танками. Конечно, дивизии в дело были введены не полным составом, но если даже предположить, что от каждой во время очередной атаки участвовал полк, а во втором эшелоне стоял еще полк, задачей которого было, как правило, развитие удара, то выдержать такой натиск стрелковой дивизии было тяжело. К тому же в воздухе постоянно висели самолеты люфтваффе.

Местные жители рассказывают, что наших войск в обороне по Десне и Снопоти стояло много, но немцы не атаковали напропалую, на заранее обустроенную и укрепленную оборону, а сперва основательно обрабатывали позиции советских войск с воздуха, потом подключалась артиллерия и минометы, а уже после такой штурмовки, когда зачастую от дзотов и блиндажей не оставалось камня на камне, а бревна на бревне, шли танки и пехота. И немецкие пехотинцы занимались только тем, что вытаскивали из окопов обезумевших, контуженых и раненых красноармейцев и сгоняли их к дорогам, чтобы отправить потом колоннами на восток. Так для многих наших бойцов и командиров начинался немецкий плен, и выжили в концлагерях лишь единицы.

Из оперативной сводки № 136 штаба фронта, подготовленной, по всей вероятности, на основании приведенной выше оперсводки штаба 43, на 18.00 3 октября 1941 года:

«43 Армия.

²¹ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 87. Л. 205–210.

С утра 3.10.41 пр-к возобновил наступление на всем фронте армии. Войска армии, ведя упорные бои с пр-ком, отходят на новый оборонительный рубеж.

222 сд к 15.00 под натиском пр-ка отошла на сев. – вост. и ведет бой на рубеже БОЛНО-ВЕЦ, МУТИЩЕ, ПЕТУХОВКА фронтом на юго-запад. Перед фронтом дивизии наступает 15, 292, 268 пд пр-ка. К 14.30 до 2-х пп пр-ка с двумя ротами танков прорвались в район ЗУБОВО, БАБИЧИ.

211 сд тремя полками численностью до 150 человек каждый в течение дня с боями отходила в направлении НОВ. БЕРЕЗОВКА. В 15.00 3.10.41 дивизия вела бой в районе НОВО-АНДРЕЕВСКАЯ, ГАРНЕЧЕНБЕ. По фронту дивизии наступает 267 пд и части 23 пд с батальоном танков. По данным, требующим проверки, к

15.00 НОВО-БЕРЕЗОВКА занята пр-ком неустановленной силы. Хутора ПОВЕЕВА ГОРА до 300 мотоциклистов.

53 сд, оказывая сопротивление наступающему пр-ку, отошла на вост. берег р. ШУЙЦА и занимает 2 полк, участок УТЁШКОВО, (иск.) ВАРНАКИ. 475 сп – участок ВАРНАКИ, ГАРЬ. 223 сп сосредоточен в районе ВЫГОРЬ. Боевой состав каждого полка не превышает 150 человек в каждом. Пр-к продолжает развивать наступление, нанося главный удар вдоль Варшавского шоссе в направлении ДУДЕВО, СУБОРОВО, ЛАТЫШИ.

149 сд. После боя на р. ШУЙЦА части див. отошли на р. СНОПОТЬ и занимают: 744 полк участок КУЗЬМИНИЧИ, СЕЛИЛОВО. Батальон 568 сп – ЖЕРЕЛЁ-ВО. Местонахождение двух остальных батальонов 568 сп не установлено. 479 полк сосредоточен в районе ПОЧИНОК, ЧЕРЁХЛЯ.

Штаб дивизии ЛУГОВАЯ БУДА.

113 сд. В течение дня вела бой с пр-ком на р. ШУЙЦА на участке 1-я КОЗЛОВКА, ЯСНАЯ ПОЛЯНА, имея перед собой до 70 танков с мотопехотой, атакующих в направлении ЯМНОЕ, ГРИГОРЬЕВКА. 1292 полк в течение дня ведет бой с мотомехчастями пр-ка на рубеже ДЕДОВО-ПЕТРОВИЧИ, МАМИЧЕВ УГОЛ, СЕМИРЁВО.

145 тбр, действуя совместно с 211 сд, к 15.00 вышла лес юго-вост. ВОРОБЬЁВКА, ГАРНЕЧЕНЬЕ.

148 тбр в течение дня вела бой с мотопехотой пр-ка на фронте ГАРЬ, ДУДАРЬ.

33 Армия.

Войска армии в течение дня находились в боевой готовности на прежних рубежах обороны и к исходу 2.10.41 части имеют соприкосновение с пр-ком на отдельных участках фронта.

17 сд, по данным, требующим проверки, в 12.30 3.10.41 до 12-ти танков пр-ка прорвались на аэродром у МАМОНОВО. В это же время пр-к выбросил авиадесант неустановленной численности в районе ОСТРАЯ СЛОБОДА. Около 18.00 3.10.41 к ГАЙДУКИ подходили танки пр-ка неустановленной численности.

173 сд. На участке див. между 12.00 и 12.30 до двух рот мотопехоты, 200 мотоциклистов и 30 бронемашин вышли в район ПОГРЕБКИ, имея впереди район БОЛ. САВКИ. Три-четыре танка позади у ДРАКОВКА, группу мотоциклистов и 3–4 танка в районе ИВАШКОВИЧИ. Разведрота 173 сд вела бой с взводом пехоты пр-ка. По данным, требующим проверки, около 18.00 3.10.41 пр-к неустановленной численности прорвался к КИРОВ. Сведения проверяются».

Как видно из оперсводки, все, что происходит в расположении 33-й армии и перед ее фронтом, не имеет определенности, все *требует проверки* и т. д. Исследователи истории 33-й армии и ее действий периода боев в районе Варшавского шоссе утверждают, например, что никакого немецкого десанта и никаких немецких танков

3 октября в районе Гайдуков не было и не могло быть. Дело в том, что в Гайдуках находился штаб 33-й армии, и командующему армией комбригу Онуприенко в тот жаркий момент просто необходим был повод для, если так можно выразиться, перенесения своего штаба на восток. Так он 3 октября и переносил его и, возможно, перенес бы восточнее Москвы, если бы в десятых числах октября его не остановил под Наро-Фоминском генерал армии Г.К. Жуков, назначенный на должность командующего войсками Западного фронта, в состав которого были включены и армии упраздненного Резервного фронта.

43-ю за неполные двое суток боев так отделали, что в ее полках уже едва насчитывалось по 150 штыков. Да и тех, по всей вероятности, не было. Оперсводка явно приукрашивала действительную картину.

Армию генерала Собенникова, оказавшуюся на пути ударной группировки Гёпнера, немцы буквально рвали на куски. И тем удивительней, что наши растерзанные полки все же находили силы для маневра, отходили на новые рубежи и встречали противника огнем.

Оперативные сводки свидетельствуют о том, что в эти дни постоянно терялась связь с батальонами, полками. С многими из них связь так и не была восстановлена. Потому что они исчезли. «Тайфун» их поглотил, распылил, втоптал гусеницами в жнивье здешних полей, зарыл в траншеях и индивидуальных стрелковых ячейках. Судьбы тысяч безвестных героев оказались навек погребенными в окопах и воронках по берегам Снопоти, Шуйцы и Десёнки. Трава забвения над ними шумит и по сей день.

В эти дни так же храбро и самоотверженно сражались некоторые дивизии и подразделения второго эшелона (33-я армия). Брошенные своим командующим, они вместе с отходящими частями 43-й армии занимали окопы у Варшавского шоссе, жгли немецкие танки, надсадным винтовочным огнем рассеивали цепи атакующей пехоты и даже контратаковали на отдельных направлениях. Ими командовали генералы, не бросившие свои войска, полковники, майоры, лейтенанты, старшины и сержанты.

О некоторых дивизиях и их остатках 33-й армии мы будем говорить более подробно. К примеру, о 17-й стрелковой дивизии народного ополчения. Совсем скоро, выйдя из окружения и собрав на реке Протве в районе Угодского Завода уцелевших, она войдет в состав 43-й армии и будет отчаянно драться с противником на последних рубежах.

Из оперативной сводки № 137 штаба Резервного фронта на 6.00 4 октября 1941 года:

«1. Войска Резервного фронта продолжали упорные бои на участке 24 А и отражали попытки пр-ка углубиться в передний край обороны. На участке 43 А части, оказывая слабое сопротивление, разрозненными группами отходили в восточном и северо-восточном направлениях.

43 А.

Противник, обойдя левый фланг армии, продолжает наступать вдоль шоссе РОСЛАВЛЬ – ЮХНОВ.

222 сд по приказу комфронта перешла в состав 24 А. Правая граница 43 А изменена и проходит СНОПОТЬ, ГАВРИЛОВКА, АНДРЕЕВСКОЕ, БОГДАНОВКА.

211 сд – штаб дивизии к 2.00 находился в АЛФЕРОВО. После этого времени связь с дивизией прервалась и была восстановлена к 7.00 4.10.41. К этому времени штадив прибыл ЛЮБУНЬ и сведений о месте нахождения полков не имел.

53 сд – остатки дивизий совместно со 148 тбр к утру

4.10.41 удерживали рубеж р. СНОПОТЬ на участке КУЗЬМИНИЧИ, СЕЛИЛОВО.

149 сд – к 5.00 занимала р-н ОСОВКА, ЛЬВОВКА, ЛЕСКОВКА, имея задачей выдвигаться для обороны (иск.) СЕЛИЛОВО, СТРАМИЛОВКА по р. СНОПОТЬ. В 6.15 4.10.41 части дивизии были атакованы танками противника в направлении ЖЕЛНЫ, ПОДЛЕСНАЯ, ЛЕСКОВКА. Сведений о ходе боя и положении частей

149 сд не поступало.

113 сд – ее 1292 сп, оборонявший рубеж ДЕДОВО– ПЕТРОВИЧИ, СЕМИРЁВО, к исходу дня 3.10.41 был атакован во фланг танками и мотопехотой противника и, понеся большие потери, был рассеян; 1290 сп – оборонявший свх. ЖЕРЕЛЁВО, ЖЕЛНЫ, в 6.15 4.10.41 был атакован танками противника и отошел в северном направлении.

145 тбр – выходит на ЛЮБУНЬ. В 3.00 4.10.41 прошла ПРЕЧИСТОЕ.

Штарм 43 в 8.00 переходит ПАРФЕНОВО. <...>

7. 33 А.

17 сд – положение дивизии без изменений. Противник, прорвавшийся утром 3.10.41 г. в р-н ЛАТЫШИ, контратакой 2-го эшелона был отброшен. Отряд, выделенный для ликвидации прорвавшейся группы танков в р-н МАМОНОВО, в 24.00 3.10.41 вел бой. Сведений о результатах боя не поступало»²².

В этом же донесении сведения о работе ВВС фронта. Советские самолеты в этот день бомбили шоссе в районе Екимовичей и Кузьминичей. Как отмечено в оперсводке, «в районе КУЗЬМИНИЧИ наблюдались сильные пожары, предположительно горели цистерны с горючим». Шоссе было забито колоннами техники, которая двигалась в сторону Юхнова и Москвы вслед за танками авангарда. Для самолетов это было прекрасной целью.

24-я армия генерала Ракутина отражала атаки, вкладывая в них всю свою мощь. Командарм 24 не мог и предположить, что противник на этом участке лишь имитирует наступление с задачей сформировать внутренний фронт будущего котла. А котел формировали северное крыло «Тайфуна» и южное.

Южное, с танками генерала Гёпнера в авангарде, крушило оборону 43-й армии. Генералу Собенникову не повезло в первые дни немецкого наступления. Судьба же генерала Ракутина и его армии вскоре окажется куда горше.

43-я отступала. О плачевном состоянии ее частей свидетельствует, к примеру, факт прибытия в Любунь, где находился КП генерала Собенникова, штабной группы 211-й стрелковой дивизии.

211-й стрелковой дивизией командовал подполковник Матвей Степанович Батраков. В рославльской обороне дивизия занимала участок фронта протяженностью 16 км при численном составе 9653 человека. По нормативам фронт такой протяженности должен был оборонять корпус.

До сих пор бытует мнение, что немцы прорвались на Десне и хлынули на восток почти беспрепятственно. Документы свидетельствуют о несколько иной картине произошедшего здесь в октябре 41-го. Нет, немцы не шли здесь маршем. Их били на каждом километре. Вот почему в подмосковные поля группа армий «Центр» пришла не в той силе, какую она имела в начале октября.

Штаб 43-й армии во главе с его начальником полковником Ф.А. Зуевым оказался отрезанным от войск в момент, когда противник атаковал Спас-Деменск. Штабная группа отходила на север. Ее теснила ударная группа Гёпнера, которая в это время устремилась к Вязьме. 5 октября полковник Зуев уже не имел связи со штабами дивизий. Генерал Собенников с группой офицеров, не имея устойчивой связи с дивизиями и потеряв свой штаб, какое-то время находился в Любунь.

Из оперативной сводки штаба Резервного фронта к 18.00 4 октября 1941 года:

²² ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 86. Л. 30.

«43 А.В полосе армии противник с утра 4.10.41 продолжает развивать удар мотомехчастями во фланг и тыл армии. Части армии ведут упорные бои с превосходящими силами противника.

211 сд своими остатками вела бой на р. СНОПОТЬ на участке НОВИКИ, БЕЛОРУСЬ. Данных о ее положении в настоящее время нет.

53 сд с танками 148 тбр вела бой на р. Снопоть на участке КУЗЬМИНИЧИ, СЕЛИЛОВО.

149 сд с частью 148 тбр вела бой в полуокружении в районе ОСОВКА, ПОДЛЕСНАЯ.

113 сд главными силами вела сдерживающие бои в районе ДЕДОВО-ПЕТРОВИЧИ, СЕМИРЁВО, ЖЕЛНЫ, отходя на север.

145 тбр в 8.40 выступила из ЛЮБУНЬ в направлении на СПАС-ДЕМЕНСК. В районе СПАС-ДЕМЕНСК сосредоточилась артиллерия 53 сд и два ап усиления.

Сведения по 43 А относятся к 4.00 4.10.41. С 14.00

4.10.41 связи со штармом нет.

7. 33 А.

17 сд с 876 ап ПТО продолжает занимать прежний рубеж обороны. 1316 сп ведет бой с противником силою до мпп. В результате боя днем 3.10.41 с противником, усиленным танками и поддерживаемым 10–12 самолетами, дивизией были оставлены КОВАЛЕВКА и ЛАТЫШИ, но контратакой к 20.00 3.10.41 положение было восстановлено. Полк продолжает бой, удерживая линию СТАР. БЛИЖЕВИЧИ, НОВОСЁЛКИ, КОВАЛЕВКА, ЛАТЫШИ.

Связь со штармом отсутствует.

8. ВВС Резервного фронта... уничтожали скопление мотомехчастей в районе КУЗЬМИНИЧИ, а также самолеты и склады с боеприпасами»²³.

5 октября 1941 года фон Бок записал в своем дневнике: «Ездил в 7-ю (Габленц), 197-ю (Мейер-Рабинген) и 252-ю (Бем-Безинг) дивизии. Последняя, находящаяся в северо-восточном секторе 4-й армии, не встречает на своем пути почти никакого сопротивления. Левое крыло армии атакует в северном направлении через Угру. <...> Где бы я в этот день ни побывал, войска производили на меня прекрасное впечатление. Однако на шоссе Рославль – Москва творится нечто невообразимое. По этой широкой магистрали в четыре или в пять колонн с черепашьей скоростью, то и дело останавливаясь, ползет самый разнообразный транспорт, затрудняя подвоз необходимых для наступления грузов, в том числе горючего для танков».

Где в это время были наши самолеты?!

Дело в том, что некоторые аэродромы, к примеру в районе Юхнова, были уже атакованы или захвачены противником, его передовыми отрядами или десантом.

Это был разгром. Но общая катастрофа не умаляет поистине героических действий некоторых дивизий, полков, батальонов, рот, взводов и отдельных бойцов. Они совершали свои подвиги в хаосе распада фронтов, гибели армий, в сумятице частных перегруппировок, которые помогали выстоять еще сутки на своем рубеже, продержаться еще несколько часов.

Именно такой подвиг стойкости, храброго стояния на своем рубеже в эти дни показала 17-я стрелковая дивизия полковника П.С. Козлова. Рассказ о ней в следующей главе.

Из записок командира стрелкового взвода 17-й стрелковой дивизии лейтенанта Крупенникова

Однажды нас, всю роту, собрали в старом липовом парке неподалеку от позиций артиллеристов. Политрук зачитывал приказ. Это был знаменитый приказ № 270. Нас с этим при-

²³ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 86. Л. 45–49.

казом уже знакомили. Но теперь, перед решающими боями, начальство, видимо, решило напомнить нам еще раз, что «трусов и дезертиров надо уничтожать» и так далее. Приказ подействовал на нас сильно. Я наблюдал, как слушают его бойцы. Если уж генеральские семьи подлежали аресту, думали мы, то что будет с нашими...

Мы уже знали, что на Десне под Рославлем началось. Там все это время, пока мы отрывали окопы, гудело. К утру 3 октября все вдруг стихло. Петр Маркович, у которого в такие минуты вдруг просыпалось звериное чутье, посмотрел на меня ничего не выражающими глазами человека, обреченного на неминуемое, и сказал: «Прорвались. Надо готовиться, лейтенант».

К утру через наши порядки пошли колонны дивизии, которая стояла перед нами, – 5-й ополченческой. Она совсем недавно получила общевойсковой номер 113-й стрелковой.

«Видали, братцы, как их там клонули», – наблюдали мои бойцы за колонной, растянувшейся по всему хутору. Коляденков убрал с бруствера свой пулемет, закурил и, прищурившись в сторону ходко идущих по пыльной дороге ополченцев, крикнул им нарочно громко: «Что-то скоро вы с покоса, мужики!» – «Заткнись, трепло! Сегодня, гляди, и вам будет!» – «Да нам что, не впервой!» – нервно засмеялся мой пулеметчик, уже иначе, зло посматривая на колонну, которая все шла и шла. «Вы, мужики, хоть бы гранаты оставили! Да табачок!» – не унимался мой пулеметчик.

Мои пулеметчики сидели на бруствере и разглядывали отходящих.

А я все пытался понять, что происходит. Что перед нами, обычный драп, каких мы уже навидались, или действительно запланированный отход?

После полудня, когда на дороге иссякли уже и мелкие группы отставших, появились мотоциклисты.

На колокольне сидели наши наблюдатели. Пулеметный взвод затащил туда один «максим». Петр Маркович тоже сидел наверху. Я ему приказал вести наблюдение. На всякий случай отдал снайперскую винтовку.

Пулеметчики с колокольни увидели мотоциклистов раньше, чем я в бинокль. Они дали несколько коротких и одну длинную очередь. Немцы ответили сразу из трех пулеметов, развернули мотоциклы и скрылись за ручьем. Все произошло мгновенно.

Прибежал ротный, заматерился на пулеметчиков. Что и говорить, рано они открыли огонь. Так что материл он их за дело. «Нервы у них не выдержали... Стрелки! – возмущался Коляденков. – Во мудилы! Надо было поближе подпустить!»

А немцы стреляли лучше. И у нас во взводе уже были потери. Убило москвича Горлова. Двоих ранило. Одного тяжело.

Бой мы начали неудачно.

По нашей дороге немцы больше не пошли. Подтянули артиллерию, минометы и начали методично обстреливать нашу оборону. Церковь им служила прекрасным ориентиром, поэтому их снаряды и мины ложились довольно точно. Сразу появились убитые и раненые.

А буквально через полчаса правее, за третьим взводом, заурчали моторы. Петр Маркович следил за бродом в прицел. Слышу, кричит: «Лейтенант! Танки!»

Мы услышали удары противотанковых орудий. Танки сразу остановились и начали отвечать. Одновременно усилила огонь наша артиллерия и сразу подавила наши истребительные батареи, на которые было столько надежд.

Много раз я потом наблюдал поединки танков и расчетов противотанковых орудий, поставленных на прямую наводку. Всегда у них – кто кого. Артиллеристы, как мне казалось, имели все же больше шансов выжить, а значит, победить. Но – при нескольких условиях. Первое: тщательная маскировка. Орудийный расчет на открытой позиции должен рассчитывать самое большое на два выстрела. Потому что третий, если танк не поражен, приле-

тит из его пушки. Второе: опыт наводчика. Если началась перестрелка, это, как правило, дуэль наводчиков. Кто лучше, расторопней, тот и останется живым. Третье: наличие запасных позиций. От хорошего наводчика маневр, наличие запасной позиции – это единственное спасение. Для хорошего расчета танк – любимая мишень. Но это пришло к нашим противотанковым расчетам потом.

Там, на хуторе, наступали легкие танки и средние Т III. Эта картина до сих пор перед глазами.

Они миновали ручей, повалили колья с колючей проволокой, потащили проволоку вместе с кольями и расползлись по рукавам оврагов. Некоторое время виднелись лишь их башни и радиоантенны. Ручей и пологий берег саперы перекрыли минами. Но почему-то ни одна мина не сработала. Возможно, ночью перед наступлением там побывали их саперы. А мы их просто прошляпили.

На колокольне заработал «максим». Это означало, что следом за танками через ручей пошла пехота.

Прибежал мой связной Петр Маркович и сказал: «Хреновые дела, лейтенант. Танки прорвались. Пехота поперла. Сейчас будут здесь». – «Что ж там вторая рота? Почему не удержались?» – «Бегут».

Я и сам видел, что на участке соседней роты произошла катастрофа: стрелки, не выдержав танковой атаки, бросили свою траншею, проходившую по береговому гребню, и перебежали во вторую. Сплошную траншею там отрыть не успели. Немногие добрались до линии одиночных ячеек. Танковые пулеметы буквально косили бегущих. Страшно было смотреть.

Оставалось одно – уходить. Потому как вот-вот танки и пехота выйдут нам во фланг.

В саду за церковью артиллеристы пытались перевернуть и поставить на колеса опрокинутое взрывом орудие. Но их на наших глазах накрыло серией минометных взрывов, и живых там, видимо, уже никого не осталось.

Надо было уходить, но никакого приказа на отход ни от командира роты, ни от комбата не поступало. Я послал Петра Марковича на КП командира роты.

На нашем участке немцы не наступали. Но правее часть прорвавшихся танков и пехота уже разворачивались для атаки нам во фланг.

Вернулся Петр Маркович: «Ротный отдал приказ: держаться до конца и позицию не сдавать».

Ну, держаться так держаться. Я побежал по траншее на правый фланг. Туда же приказал перебираться и бронебойщикам.

Вот пишут везде, что первые противотанковые ружья были опробованы на передовой в ноябре сорок первого под Волоколамском. Неправда. Мы получили ПТРД-41 еще во время смоленских боев. Правда, немного. Но они нам уже тогда здорово помогали.

Два танка и около взвода пехоты шли на нас. Егоренков начал стрелять и вскоре перебил гусеницу одному из танков. Танкисты стали выскакивать через боковой и нижний люки, отползать в сторону. Их тут же перестреляли бойцы из отделения Крапивина. Стреляли они всегда хорошо.

Второй танк продолжал двигаться на нас вдоль траншеи, покинутой второй ротой. Я хорошо видел в бинокль, как вставали бойцы третьего, а затем второго взводов, выскакивали из траншеи и, пригнувшись, убегали в сторону хуторских огородов и риг. Некоторые бросали винтовки и противогазы, чтобы бежать налегке. Этих уже трудно остановить. Танк, не делая остановок, стрелял из пушки и пулемета. Снаряды падали где попало, не причиняя нам никакого вреда. Но пулемет стегал по траншее прицельно. Как только он вплотную подошел к правому флангу нашего взвода, навстречу ему стал пробираться Светлогор. Это был один из самых надежных бойцов моего взвода. Он полз на четвереньках по дну траншеи. В руках две противотанковые гранаты. Винтовку оставил в окопе. Вот он привстал и перескочил к

угловой ячейке. Из ячейки тут же, как испуганный заяц, выскочил ополченец и побежал к нам. Но пробежал он немного, упал ничком на дно траншеи и больше не поднимался.

Механик-водитель танка, видимо, что-то заподозрил или просто остерегался двигаться прямо на окопы и начал немного отворачивать. Егоренков тут же выстрелил из бронебойки. Железная махина остановилась, сделала доворот башни, и короткое орудие ее дернулось от выстрела. Перед ячейкой бронебойщиков вскинулся черный сноп земли и огня. Оттуда закричали: «Санитара!» В дыму и пыли я увидел, как две сгорбленные фигуры в расстегнутых шинелях утаскивали в глубину бокового хода сообщения длинное противотанковое ружье. Значит, расчет уцелел, понял я, меняют позицию.

Я стрелял из автомата по зеленым мундирам, которые перебежали и падали в траву, снова вставали, перебежали и падали. В их движениях было столько уверенности, что становилось не по себе. Некоторые приближались к нам по траншее. Мелькали их каски с березовыми ветками маскировки и капюшоны пятнистых камуфляжных курток. Немцев в такой экипировке я еще ни разу не видел. До них оставалось шагов пятьдесят. До третьего отделения – значительно меньше. Два-три броска, и они будут там. Крапивинцы не дрогнут, я это знал. Если даже немцы добегут до их ячеек. Крапивин будет рассчитывать на нашу помощь.

Светлогор вдруг выскочил из ячейки в траншею. Пулеметные струи теперь не достигали его: танк был за изгибом хода сообщения и простреливал следующий участок, в котором живых уже не было. Светлогор выглянул за изгиб и бросил свою первую гранату. Видимо, она попала под днище, там у танка тонкая броня. Вторую он бросил на корму. Немцы, бежавшие по траншее, тут же залегли. Оттуда полетели длинные, как палки, гранаты. Я закричал Крапивину: «Старшина! Гранатами!»

Начался гранатный бой. На гранату можно ответить только гранатой. Гранатный бой – это ближний бой, который долго не длится.

Крапивин и несколько его бойцов начали бросать «феньки» прямо через танк, который уже густо дымил, развернувшись корпусом поперек траншеи на участке второго взвода. За ним залегла одна из групп немецкой пехоты и обстреливала нас, видимо давая возможность другой группе, продвигавшейся по ходу сообщения, подойти к нам вплотную. Видимо, запас гранат у них был большой, и они надеялись подавить нас ими. За танком заработал их пулемет. Вот это было уже плохо. Ни Горюнов, ни Коляденков своим огнем его не доставали.

Немцы опять завозились. Слышны были их голоса, топот.

Я отстегнул от ремня Ф-1 и ждал. Я знал, что сейчас произойдет. Сразу несколько гранат прилетели из-за изгиба траншеи. Когда гранаты разорвались, немцы бросились на третье отделение. Я швырнул гранату через танк, пытаюсь достать пулеметчика.

А в траншее третьего отделения между тем началась рукопашная. Немецкие пехотинцы кинулись на крапивинцев.

Когда начинается рукопашная схватка, стрельба обычно прекращается.

«Горюнов! Не давай им подняться!» – крикнул я сержанту и указал за танк, из-за которого перекатывались и стреляли в нашу сторону зеленые мундиры. Боковым зрением увидел, как Петр Маркович быстро расчехлил саперную лопатку и воткнул ее рядом с собой.

И вот что через мгновение началось.

Из-за изгиба траншеи выскочил немец с карабином. Карабин со штыком. Я выстрелил в него из ТТ. Он еще падал, когда через него перескочили еще двое, одетых в камуфляжные куртки. У одного в руках была квадратная саперная лопатка и автомат без рожка, у другого пистолет. Петр Маркович опередил меня и первого, замахнувшегося на меня лопаткой, тут же ловко достал штыком. Он, как ящерица, выбросился на самый гребень бруствера и сбоку ударил штыком. Я выстрелил из пистолета в второго. Немец в меня тоже. По голове ударили чем-то тяжелым, так что меня отбросило к стенке траншеи. Но пуля, к счастью, попала в каску лишь по касательной. Моя же ранила немца в горло. Он выронил пистолет и уткнулся

головой в стенку траншеи. Двумя руками он пытался закрыть рану, из которой с пузырями выгоняло густую темную кровь. «А-а! Мамушку твою!..» – крикнул Петр Маркович и вогнал ему в бок штык своей СВТ.

Все вскоре затихло. Только где-то справа и позади, возле второй линии наших траншей, взрывывали моторами прорвавшиеся танки, длинными уверенными очередями били их башенные пулеметы.

«Что это? Неужели отбились, лейтенант?» Петр Маркович, мой верный связной и всегдашний напарник в бою, как пишут в романах, имел вид самый свирепый. Глаза его еще не остыли, бегали и пылали бешеным огнем. Руки тряслись мелкой дрожью. Чтобы, видимо, успокоиться, он торопливо счищал что-то со штыка полой шинели. Рукав его шинели от локтя и до середины спины, до самой складки, был распорот, так что в широкий прогал виднелась гимнастерка. «Что это у тебя? – спросил я. – Осколком, что ли?» – «Да нет. Штыком. Двое мимо пробежали. А ты что, не видел?» – «Нет». Петр Маркович усмехнулся: «Ты, лейтенант, в это время очень занят был. Туда, к Горюнову, пробежали. Там их ребята, лопатками... Напролом лезут. Такого за Десной не было. Шинелку, мамушку его через дедушку, как сильно попортил. Во, велика даже стала, с плеч спадает. А вроде поджимала под мышками...» – «Дуй-ка на КП роты, доложи, что атака отбита. Много потерь. Скажи, что правый фланг открыт, второй и третий взводы отошли. Но я думаю, что они частично уничтожены, а частично рассеяны. Так и доложи». – «Слышь, лейтенант, пистолет у него заberi». – И Петр Маркович указал на немца, лежавшего в углу траншеи. Там все было залито кровью. Я посмотрел на пистолет, лежавший в темной луже, над которой уже начинали летать мухи, на немца, и махнул рукой. «Ладно, побег я», – сказал Петр Маркович, на ходу нагнулся, подобрал тяжелый офицерский «парабеллум» и сунул его в карман шинели.

Пользуясь тем, что вокруг никого не было, я сел на дно траншеи. На меня напало какое-то безразличие. Надо было пройти по ходу сообщения, узнать у отделенных командиров, какие потери, какие трофеи. Но сил не было. Ноги меня не держали, а руки тряслись сильнее, чем у Петра Марковича, когда он чистил свой штык. Я шарил по карманам, там я носил горсть патронов для ТТ. Обойма в моем пистолете оказалась пустой. Когда успел выстрелить все патроны? Стрелял ведь только два раза.

Петр Маркович вскоре вернулся. Смотрю, он вроде как не в себе. «Что случилось?» – «Там – никого». – «Все убиты?» – «Нет. Просто никого нет. Пусто. Ушли. Все брошено. Бумаги раскиданы. Что-то в углу жгли. Еще дымится. Телефон даже стоит. Я позвонил на КП комбата, тот сразу в матушку через такого-то дедушку понес. А потом все оборвалось. Связи нет».

Подошел сержант Горюнов. Начала нашего разговора он не слышал, но обо всем догадался. И говорит: «А может, приказ был на отход?»

Возможно, кого-то с приказом на отход ротный к нам и посылал. Тела убитых лежали там и тут. Может, где-то среди них лежал и бежавший к нам посыльной со спасительным приказом. А может, нас попросту оставили в заслоне, чтобы прикрыться нами во время отхода? Такое тоже случалось. Война есть война. Если, к примеру, надо отвести полк или батальон, то взводом вполне можно пожертвовать. Мольтке в свое время верно заметил: «Высшей формой милосердия на войне является жестокость». Немец был трижды прав. И правы были те командиры, кто не задумываясь жертвовал малым, чтобы сохранить большее. Правда, какой тебе прок от такой правды и такого милосердия, если ты попал в число того *мало*го, которым необходимо пожертвовать? Оставлял заслоны и я. Чтобы вывести, спасти остатки взвода.

Надо было осмотреться и понять, в каком мы положении находимся. Я поднялся на колокольню. Там сидели пулеметчики и перевязывали друг друга. Оба ранены. «Что, ребята, перекур?» – «Покрошили мы их, кажись, здорово, – отвечают. – Можно теперь и покурить». – «Курите, – говорю, – только недолго нам курить». – «А что такое? Отступаем?» Смотрю

на них – в глазах надежда. «Еще не знаю. А где ваш взвод?» – «Нет нашего взвода. Все пулеметы кверху колесами. Одни мы остались. Слава богу, «максимка» цел». – «Связной от ротного к вам не приходил?» – «Нет, никто не приходил. Они все в лес ушли. В самом начале боя. Нам отсюда видно было хорошо, как они уходили. Побежали, в гроб их душу. А вы что, товарищ лейтенант, еще не поняли, что нас тут бросили? Мы тут теперь одни остались. Артиллеристы тоже накрылись».

Этот «максим» здорово нам помог. Он вел огонь вдоль нашей траншеи, во фланг наступавшим от ручья из-за ольховника. Вся площадка засыпана стреляными гильзами. «Как вы думаете, товарищ лейтенант, человек десять мы тут положили?» – спросил меня пулеметчик помоложе, у которого была забинтована рука выше локтя. – Там, за танком, вон, видите, все наши лежат. Отсюда хорошо видны». У пулеметчиков это был, видимо, первый бой.

Я осторожно выглянул в проем. Наступавшие под прикрытием танка немцы отсюда были видны как на ладони. Тела многих из них сейчас лежали там, в траве, в кустарнике, на земле, перепаханной взрывами и гусеницами танков. Что и говорить, хорошая позиция. «Положили вполне», – согласился я. Ни к чему мне было оспаривать эту победу, хотя туда бросали гранаты и мы. «Вы подтвердите?» – «Да, вы здорово стреляли. И нас поддержали вовремя», – сказал я. «Нам нужно доложить нашему лейтенанту. Может не поверить. Вам поверит. Если, конечно, он жив». Я кивнул. «Откуда родом?» – говорю. В 17-й стрелковой, куда мы попали после выхода из окружения, воевали в основном москвичи. Ополченцы. «Москвичи?» – «Да нет, мы из области. Из-под Орехова-Зуева. Вот он, – кивнул молодой на своего напарника, который все это время курил молча, – со станции Костерево, а я со станции Петушки». Хорошие были ребята.

В бинокль было хорошо видно, что мы влипли хуже некуда. Соседние роты отошли в лес. Левее же еще кто-то копошился на позициях. Видимо, вытаскивали раненых.

Позвал связного. Тот быстро поднялся наверх. «Петр Маркович, – говорю, – видишь, санитарные повозки, там, на дороге, за сараями?» – «Вижу». – «Пригони их сюда. Надо забрать раненых и пулемет. Сержантов и старшину ко мне».

Пулеметчики сразу заторопились, подхватили своего «максимку». Я их остановил: «Подождите, ребята, позицию оставлять. Мы вас не бросим. Но сперва надо погрузить раненых. Немцы могут появиться в любую минуту. Никто их, кроме вас, остановить не сможет. Патроны есть?» – «Есть патроны. Две коробки. И вот, в приемнике, на две хороших очереди». – «Смотрите в оба. За пулеметом я пришлю еще двоих человек. Вы должны будете прикрывать нас до того момента, когда последняя санитарная повозка не пересечет вон тот рубеж. Видите, воронка у дороги?» Вздохнули орехово-зуевские: «Только смотрите, товарищ лейтенант, не обманите».

Впервые надо было принять решение об оставлении позиций самостоятельно, без приказа сверху. Прибежали командиры отделений. Я им сказал, что отходим во вторую линию, а там, мол, посмотрим по обстановке. «Во второй линии немцы, лейтенант! – сказал Крапивин. – Мои ползали туда. Вернулись с двумя ранеными. Лучше бы не посылал». – «Какие у тебя потери?» – спросил я Крапивина. «Трое убито, двое ранено». – «Светлогор жив?» – «Жив». – «Раненых всех на повозки. Кроме тех, кто может идти сам. Соберите оружие. Сбор возле церкви. Готовность – десять минут. Поврежденное оружие бросить, взять трофейное. Собрать все патроны и гранаты. Все. Действуйте».

Раненых мы погрузили на подводы. Уже ясно было и без разведки Крапивина, что во второй линии никого из наших нет. Бросили. Черт бы их побрал, думал я.

Танки урчали теперь левее нас, где-то уже возле леса.

Мы бежали бегом по проселку, который, к счастью, оказался свободным. Бой еще шел. Теперь он сместился в наши тылы. Полк был рассеян. Никаких симптомов попытки перегруппироваться и контратаковать с целью восстановить положение не предпринималось. На

дороге валялись трупы красноармейцев. В поле тоже виднелись бугорки. Некоторые были вмяты гусеницами танков в стерню. Мы бежали и не знали, что вечером вдоль этой же дороги будем контратаковать вместе со вторым эшеленом, и возьмем село, и сутки будем держаться на прежних позициях. Но это случится потом.

Наш взвод не отрезали и не растерзали в полном окружении только потому, что немцам было попросту не до нас.

Вскоре мы добрались до леса. Нас встретил политрук роты и сказал, что ротный убит и командование ротой он принял на себя. «А где рота?» – машинально спросил я, пока не вкладывая в это никакого особого смысла. Рядом с ним стояли трое красноармейцев, которых я раньше не видел ни на КП командира роты, ни в траншее. «Из взводов кто-нибудь еще, кроме нас, вышел?» – снова спросил я политрука. Мой вопрос ему, видимо, не понравился.

Рядом располагался штаб батальона. Комбата нет – убит. Начштаба посмотрел на меня и отвернулся. Ничего я ему не стал говорить о том, что нас, взвод, бросили на произвол судьбы и прочее. Он по-прежнему не смотрел мне в глаза. Или у него была такая манера разговаривать с младшими по званию, или все же понимал, в каком положении они оставили взвод. Я доложил. В том числе и о пулеметном расчете. Он с горечью усмехнулся: «Представления... Какие сейчас представления, лейтенант? Какие награды?» Тогда я попросил, чтобы пулеметчиков у меня не забирали. Он удивленно посмотрел на меня и кивнул. Причина его удивления была понятна: во время отступления, когда войско теряет управление и распадается, некоторые командиры, стараясь не брать на себя лишнюю ответственность, отбирали самых надежных и выносливых и уходили с ними своим маршрутом. Так больше шансов выйти. Остальных, тем более раненых, просто бросали. А за чужих людей отвечать вообще никто не хотел. Пулеметчики, да еще обмотанные кровавыми бинтами, старшему лейтенанту конечно же были не нужны – лишняя обуза. Воевать он, похоже, уже не собирался. А я этих ребят успел узнать в деле – надежные, терпеливые. Даже санитаров не звали, сами себя перевязывали. И они меня знали. Без командира им было страшно.

Подождал политрук, что-то начал говорить старшему лейтенанту. Тот кивнул и снова позвал меня. «Товарищ лейтенант, – говорит, – надо кого-то послать в деревню. Там, на КП батальона, остались кое-какие документы. Очень важные. Необходимо их забрать, чтобы не достались... Ну, сами понимаете...» – «Какие документы?» – говорю. Они переглянулись. Начштаба в глаза не смотрит. «Какая разница какие, – вмешался политрук. – Вам сказано – очень важные. Выполняйте». – «Важные документы, – говорю, – не бросают». Они снова переглянулись. Смотрю, испугались, что я не дам своих людей. Злятся. Политрук посматривает с неприязнью. Но власть надо мной он уже потерял. Говорю: «Я должен знать, зачем посылаю бойцов на такое опасное задание». – «Партийные документы. Список вновь принятых в ряды партии большевиков. Список личного состава батальона. Бланки партбилетов». – «Людьми, которые только что вышли из боя и не имели отдыха, я рисковать не буду, – говорю им. – У вас, товарищ политрук, есть бойцы, вот их и посылайте». – «У меня, лейтенант, есть рота!» – решительно и зло заговорил он и подскочил ко мне. Но маленький рост не позволил ему даже сколыхнуть меня с места. «Вот и посылайте свою роту, если она у вас есть, за тем имуществом, которое вы бросили во время драпа», – говорю. А он опять: «Я команду ротой! И твои люди – часть моей роты! И я могу им отдать любой приказ, а они обязаны его выполнить!» – «Так прикажите им, – говорю. – Только сомневаюсь, что они кинутся его выполнять». Молчат. Вижу: растерялись, не знают, что делать, как со мной поступить. Смотрят на меня зло. Но ничего сделать не могут. Меня тоже колотит. Даже на кобуру посматривать стал. Я опять политруку: «А знаете, почему? Потому что они не видели вас в бою».

Тут началось безобразное. Политрук все же не выдержал, выхватил револьвер, взвел курок. По тому, как он неловко взводил курок новенького револьвера, я понял, что он делает

это от силы третий раз в жизни. «Ты отдашь приказ им! А я приказываю тебе! И не шути с этим! Говори, кто пойдет! Назови двоих». – «Ты, товарищ политрук, – говорю ему, – оружием меня после боя не дразни. Мы только что в рукопашной побывали. В присутствии начальника штаба батальона говорю: ваша оплошность, вы ее и исправляйте. А моих людей под обух не суйте, если даже вы и командир. Хотите, поговорите со взводом. А я приказывать никому не буду. Найдутся добровольцы, пусть идут. И уберите револьвер, а то отниму и при бойцах закину в кусты, в отхожее место!»

После этих моих слов, смотрю, и правда прибрал револьвер в кобуру и вроде немного успокоился.

Я построил взвод. Пулеметчики тоже в строй встали. Так, мол, и так, говорю, кто пойдет? Молчат. Никому не охота под стебло во второй раз лезть. Только выскочили, еще пятки горят... Смотрю на них. Они – на меня. Ничего пока понять не могут. Хотя все видели, как я с политруком разговаривал. Вот стоит сержант Смирнов. Его на хутор я не отпущу ни под каким револьвером. Егоренков. Весь в копоти. Бледный, усталый. У Аксютенкова перевязана голова. Горюнов с остатками отделения москвичей. Некоторые из них неплохо себя показали в первом бою. Теперь от сержанта ни на шаг. Старшина Крапивин. Кожа на скуле содрана, правая рука завязана носовым платком, глаз дергается и слезится. Видимо, контужен. Светлогор со своим трофейным карабином и тяжелыми подсумками. Видимо, нахватал патронов у убитых немцев. Немецкий ранец за плечами. Сразу вспомнилось, как он кошкой пробирался по траншее навстречу атакующему танку, как припадал под пулями и бережно придерживал в руках противотанковые гранаты. И как он смог выскочить из-под танка? Как его не прихватили наступавшие вдоль траншеи немцы? Я еще не успел с ним переговорить. Удивительно: у Светлогора ни единой царапины. А он дважды смерти в глаза заглядывал. Смотрю на свой взвод и думаю: хрен я тебе кого отдам. Посылай, политрук, на хутор своих людей. А мои уже намучились, хватит.

И вдруг Коляденков: «А жратвы там, случайно, не осталось?» – «Есть! Две буханки хлеба!» – тут же нашелся политрук. Сразу сообразил, канцелярская его душа, за что можно потянуть голодного солдата под пули. «Все продукты можете забрать себе, товарищ ефрейтор».

Куда как верно замечено: голод не тетка. Кто не голодал, для того эта пословица, может, и пустой звук. А у нас с утра во рту ни крошечки. Так, перехватили на ходу найденное в немецких ранцах. Но ребята знали, что такое отступление. Тут неплохо было иметь кое-что про запас.

Пошли двое: Коляденков и Петр Маркович. Самые опытные во взводе трофейщики.

Вначале меня охватила обида: ну, думаю, политрука, малодушного этого человека послушали, на своего взводного наплевали. Но тут же взял себя в руки и сообразил, что они, пожалуй, правы. Кто знает, где, на каком километре нас ждет полевая кухня? И ждет ли где? «Ладно, – говорю, – идите. Только, если что, лучше сразу – назад. И черт с ними, с этими партийными документами!» Взяли мои ребята по три гранаты и пошли.

Ушли. А меня все не покидает ощущение, что взвод заставили выполнять дурацкий приказ. Кто-то струсил, бежал, действительно дезертировал с поля боя, а я со своим взводом, вольно или невольно, должен прикрывать – и прикрываю! – этих людей. Правильно написано в приказе № 270! Ох правильно! И в отношении командиров и комиссаров – правильно! Так я тогда думал.

Сердце мое не на месте. А тут еще Горюнов: «Лейтенант, какой хлеб! Откуда? Хлеба два дня уже не завозили». Я и сам об этом уже подумал: ведь обманул политрук, скибкой хлеба заманил под пули, а сам ждет теперь, когда его дело выгорит, чтобы под трибунал не пойти. «Ты посмотри на него, лейтенант, – не унимается Горюнов. – Он же и по обличью цыган, и ухватки все какие-то... Уж больно вертлявый да ловкий». Вспомнил я одну из пого-

ворок Петра Марковича и говорю: «Ничего, самая шустрая вошка быстрее и на гребенку попадет». – «Такая, лейтенант, везде прошмыгнет, а потом еще и донесения на нас писать будет».

И так мы нерадостно поговорили, что я уже не мог бездействовать и ждать сложа руки. Пошли на опушку. Я взял снайперскую винтовку. Легли в снопах. Смотрю в прицел: идут мои ребята. Идут втроем. Кого-то ведут. Третий, тот едва ноги переставляет. Молодцы, думаю, раненого подобрали.

Лицо у бойца, которого они привели, забинтовано, даже глаза закрыты. Бинтовали, видать, наспех, как попало. Руки тоже в крови, но на руки уже бинта не хватило.

«Вот, – говорит Петр Маркович, – нашли в штабной землянке. Зашли, а он сидит на пне, мычит, за голову держится. Радист. Я его знаю. Бросили своего радиста, мамушку их... Его, видать, сильно контузило». Документы в железном ящике они тоже принесли. Ящик небольшой, как два посылочных. Навесной замок на нем болтается. «А хлеба там никакого не было. Мы так подумали между собой, что объебал он нас, политрук-то. Хлебом заманил». И Коляденков сплюнул под ноги тягучую злую слюну. Коляденков всегда ходил голодный. За буханкой хлеба он бы и в немецкую землянку полез, только скажи, где она лежит.

Документы в штаб батальона я передал молча. А по поводу раненого сказал: «Что делать с раненым радистом?» Политрук молчит. «Пусть, – говорю, – тогда с нами идет. Вам ведь он уже не нужен? Какой теперь из него радист?» Ох, как опять политрук тот вскинулся! А мне уже все равно. Наше дело, хлебное-то, пропало. Дай хоть, думаю, на тебя, сукина кота, посмотрю, как ты срам свой прикрывать будешь. «Не вздумай, – говорю ему уже всерьез, – за наган свой хвататься, у меня реакция быстрее».

А у меня в то время было уже два пистолета. Один свой, табельный ТТ, в кобуре, как положено. Он мне самый верный друг и товарищ, считай, от неминуемой смерти спас там, на хуторе, когда немцы бросились в нашу траншею. Первый раз я из него стрелял. И когда успел всю обойму выпустить? Пистолет в траншее оружие удобное. Другой, офицерский «парабеллум», трофей, торчал прямо за ремнем. Чтобы поближе, в случае надобности. Я его специально вытащил из полевой сумки и за ремень сунул, когда мы с Петром Марковичем понесли политруку железный ящик.

Когда шли к штабному шалашу, Петр Маркович мне и говорит: «А в сейфе что-то жидкое лежит. Булькает». И покачал ящиком. В нем действительно что-то еле слышно булькало. «А хлебом там не пахнет?» – пошутил я. Мой связной сразу как-то задумался и говорит: «Очень может быть».

Уходя из штабного шалаша, на ящике у начальника штаба я забыл свою карту, на которую старший лейтенант нанес маршрут нашего дальнейшего движения. «Подожди, – говорю Петру Марковичу, – карту забыл». Вскочил я в шалаш, смотрю: а политрук уже ящик свой железный открыл, бумаги какие-то, аккуратно перевязанные бечевкой, выложены, а в глублине, среди бланков партбилетов лежат две бутылки водки и буханка хлеба. «А, так вот он, наш кровный хлеб! – говорю. – Вот за что мои бойцы жизнью рисковали!» Они опешили. Не ждали, что я войду. Старший лейтенант в угол отскочил. А политрук... Тот хоть бы что, глазами меня жжет. Расстегнул я свою полевую сумку, сунул туда карту с пометками начштаба. Туда же запихнул две бутылки «Московской». Хлеб – под мышку. И – ходу. Никто меня не окликнул, ни политрук, ни старший лейтенант, ни часовой.

В лесу наше скопление вскоре обнаружили. Пролетел самолет и сбросил листовки. Посыпались как снег. Кондрат Фомич задрал вверх голову и говорит: «Эх, мужики, вот так бы табачок они сыпанули! А то – одну бумагу...»

Я собрал командиров отделений, поставил задачу на выход. Отметил в списке выбывших. В основном это были москвичи, ополченцы. Тарасов и Дроздов – студенты. Анохин до войны работал печатником в типографии. Сыч в той же типографии завхозом. Тимченко, как

и студенты, был из отделения старшины Крапивина. Его зарубил штурман саперной лопаткой, когда началась рукопашная. Тимченко никогда не надевал в бою каску, всегда носил пилотку. Немец попался здоровенный, так и развалил Тимченке череп надвое. Его-то и заколол штыком Петр Маркович. Потом, когда отбились, расстегнул Петр Маркович на своем немце пятнистую куртку: «Смотри-ка, лейтенант, эмблемы в петлицах какие-то незнакомые». Я посмотрел и понял: СС. Эсэсовцы на нас перли. Напролом шли.

К вечеру мы пересекли железную дорогу. Шли вдоль Варшавского шоссе, по правой стороне. Но вскоре – что такое? – остановка. На лесной дороге, по которой мы шли, стоит группа незнакомых людей. «Командиров в голову колонны!» Через несколько минут приказ: «Кругом! Шагом марш!»

Оказывается, подошел второй эшелон нашей 17-й стрелковой дивизии. Уже на марше поступил приказ: с ходу атакуем хутор с целью овладения прежними позициями. Разведка вперед уже ушла. Ускакали на лошадях два разъезда.

Атаковали мы в полной темноте. Но это уже другая история.

Глава 4

Варшавка – кратчайшая дорога на Москву

«Противник развивает удар вдоль Московского шоссе...»

И.С. Конев – о катастрофе под Вязьмой. – Разговор Конева и Сталина. – Двойная катастрофа: Брянск – Вязьма. – Миф о спасении Конева Жуковым. – Козлы отпущения. – Допросы генерала Собенникова. – Попытка следователей доказать принадлежность командарма 43 к военно-фашистскому заговору. – По 58-й. – Был ли генерал Собенников изменником родины? – Дальнейшая судьба разжалованного генерала. – Новый командующий 43-й армией – генерал-лейтенант С.Д. Акимов. – Роль Л.З. Мехлиса в восстановлении 43-й армии. – Рассказ Ивана Алексеевича Таланова. – 43-я армия второго состава. – Судьба генерала Преснякова и его 113-я сд. – 53-я сд полковника Н.П. Краснорецкого. – Армия закрывает основные дороги на Москву. – 2-й Особый Люберецкий полк. – Судьба полковника Волкова. – Расчет старшего сержанта Дарькина

Через много лет бывший командующий войсками Западного фронта маршал И.С. Конев, размышляя о причинах поражения наших фронтов на Московском направлении, расскажет следующее: «Приходится сожалеть, что и до начала наступления противника, и в ходе его Генеральный штаб не информировал Западный фронт о задачах Резервного фронта и недостаточно осуществлял координацию действий фронтов... Две армии Резервного фронта (24-я и 43-я) располагались в первом эшелоне в одной линии с нашими армиями... В то же время три армии Резервного фронта (31, 49 и 32-я) находились в полосе Западного фронта, нам не подчинялись...

Ценой огромных потерь противнику удалось прорвать наш фронт и к исходу дня 2 октября продвинуться в глубину на 10–15 километров... С утра 3 октября по моему распоряжению силами 30-й, 19-й и частью сил фронтового резерва, объединенных в группу под командованием моего заместителя генерала И.В. Болдина... был нанесен контрудар с целью остановить прорвавшегося противника и восстановить положение. Однако ввод фронтовых резервов и удары армейских резервов положение не изменили. Наши контрудары успеха не имели. Противник имел явное численное превосходство над нашей группировкой, наносящей контрудар... Он овладел Холм-Жирковским, устремился к Днепру и вышел в район южнее Булышова, где оборонялась 32-я армия Резервного фронта. В результате обозначился прорыв к Вязьме с севера.

Второй удар противник нанес на Спас-Деменском направлении против левого крыла Резервного фронта. Войска 4-й немецкой танковой группы и 4-й армии, тесня к востоку и северу соединения наших 43-й и 33-й армий,

4 октября вышли в район Спас-Деменск, Ельня. Прорыв противника в этом направлении создал исключительно трудную обстановку и для 24-й и 43-й армий Резервного фронта, и для Западного фронта. Наши 20, 16, 19-я армии оказались под угрозой охвата с обоих флангов. В такое же положение попадала и 32-я армия Резервного фронта. Обозначилась угроза выхода крупной танковой группировки противника с юга со стороны Резервного фронта в район Вязьмы в тыл войскам Западного фронта и с севера из района Холм-Жирковского.

В связи с создавшимся положением я 4 октября доложил Сталину об обстановке на Западном фронте и о прорыве обороны на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска, а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 19, 16 и 20-й

армий Западного фронта со стороны Холм-Жирковского. Сталин выслушал меня, но не принял никакого решения. Связь по ВЧ оборвалась, и разговор прекратился. Я тут же связался по «бодо» с начальником Генерального штаба маршалом Шапошниковым и более подробно доложил ему о прорыве на Западном фронте в направлении Холм-Жирковский и о том, что особо угрожающее положение создано на участке Резервного фронта. Я просил разрешения отвести войска нашего фронта на гжатский оборонительный рубеж. Шапошников выслушал доклад и сказал, что доложит Ставке. Однако решение Ставки в тот день не последовало. Тогда командование фронта приняло решение об отводе войск на гжатский оборонительный рубеж, которое 5 октября было утверждено Ставкой. В соответствии с этим мы дали указание об организации отхода войскам 30, 19, 16 и 20-й армий».

К сожалению, Москва слишком медлительно распорядилась той информацией, которую доложил командующий Западным фронтом генерал Конев. Противник оказался более расторопным, кольцо на севере Вязьмы замкнулось, и в образовавшемся котле оказались основные силы двух фронтов, Западного и Резервного. Почти одновременно с катастрофой под Вязьмой произошло подобное под Брянском и Орлом. Можно понять Сталина, который, уже располагая сведениями о рухнувшей обороне Брянского фронта, вдруг услышал о подобном и в полосе остальных двух фронтов, прикрывавших Московское направление.

Сколько собак вешали на петлицы генерала, а впоследствии на погоны маршала Конева! Но все они оказались дохлыми. Долгое время историки больше следовали версии, изложенной в мемуарах полководцев, в том числе и маршала Победы Г.К. Жукова, а не правде документов и действительных событий. Вина генерала Конева конечно же была. И прежде всего в том, что, как заметил в своем письме в Воениздат от 15 августа 1966 года Жуков, парируя упрек Конева в том, что «прорыв противника на участке Резервного фронта дал возможность врагу выйти глубоко в тыл Западного фронта»: «Такую же претензию мог бы предъявить Коневу и Буденный. А что касается резервов на этом направлении – это вина Конева, не меньшая, чем Буденного. Оба они не предусмотрели расположения резервов на угрожаемых участках».

Полемика интересная. И Жуков, опытный стратег, убивал здесь двух зайцев.

Однако давайте мысленно предположим, что Сталин и Шапошников мгновенно отреагировали на предложение Конева об отводе войск на Можайский укрепрайон. Часть войск конечно же была бы потеряна во время марша на новый рубеж. Но *большая* была бы, вне всякого сомнения, спасена. И тогда бы под Серпуховом, Малоярославцем, Наро-Фоминском и Волоколамском на пути немецких корпусов стояли бы не подольские курсанты и одинокие полки, спешно сформированные из нескольких разбитых дивизий, а армии.

Миф о спасении Жуковым Конева, которого якобы уже приговорили к расстрелу как козла отпущения, тоже не более чем миф, придуманный мемуаристами. Никто не собирался расстреливать Конева. Жуков, прибывший из-под Ленинграда, быстро овладел ситуацией и блестяще справился с ней. Он не только выправил положение под Москвой, но и провел мощный контрудар, переросший в контрнаступление. Именно оно сделало невозможным дальнейшее продвижение вермахта на восток на центральном участке русского фронта. Конев в это время столь же успешно оборонялся, а потом атаковал в том же направлении силами Калининского фронта. На некоторых участках глубина прорывов его войск была более сокрушительной и опасной для противника, чем действия войск Жукова. И Жуков, и Конев были талантливыми полководцами Великой Отечественной войны. И нет необходимости их противопоставлять и выяснять, кто из них главнее для нашей истории.

Но козлы отпущения все-таки были нужны, и их нашли ниже, в армиях.

Удивительно, но каким-то непостижимым образом избежал ответственности за неудачные действия командарм 33 комбриг Онуприенко. На 33-ю вскоре будет назначен генерал-лейтенант М.Г. Ефремов. Онуприенко, к несчастью для Ефремова и его армии, оста-

нется при нем в заместителях. В феврале 1942 года, когда ударная группировка 33-й армии ринется в узкий коридор к Вязьме, именно комбриг Онуприенко своим то бездействием, то нелепыми, безграмотными действиями не обеспечит тылы ушедших на запад и фактически погубит и западную группировку армии, и ее командарма. 43-я станет на реках Воре и Угре и всю весну 42-го в изнурительных боях будет пытаться прорубить коридор к окруженным, но ничего радикального сделать не сможет. Так же, как и 49-я и 50-я, которые получают ту же задачу.

10 октября 1941 года начались допросы генерала Собенникова. Он был отстранен от командования армией, но пока оставался на свободе. Странное это было следствие. Обвинение не предъявлялось. Допросы по существу обвинения, которое появилось значительно позже, не проводились. Следователь расспрашивал о биографии, о знакомых и сослуживцах, о характере взаимоотношений с некоторыми из них. Второй допрос состоялся через три дня. 16 октября Собенникова арестовали.

16 октября 1941 года, пожалуй, самый драматичный день в истории обороны Москвы. Паника в Москве. Погромы. Тыл воюющей армии находился на грани развала. Тогда у многих сдавали нервы.

Следователи НКВД пытались доказать принадлежность генерала Собенникова к военно-фашистскому заговору, сделать из него, бывшего дворянина и офицера царской армии, недобитого в 38-м году подельника маршала Тухачевского. Обвинения были предъявлены сразу по двум статьям: 58–16 и 58–11 УК РСФСР – измена родине и участие в контрреволюционной организации.

26 января 2011 года в газете «Красная звезда» была опубликована статья журналиста Анны Потехиной и старшего военного прокурора отдела Главной военной прокуратуры Игоря Цырендоржиева под названием «Не виновен!». В ней рассказывалось о деле генерала Собенникова.

«По версии следствия, – пишут авторы статьи, – все неудачи Красной армии в первые месяцы Великой Отечественной войны можно было объяснить только предательством. Однако подкрепить обвинение реальными фактами не получалось, поскольку следствие не располагало хоть какими-нибудь объективными доказательствами изменнического поведения Собенникова. Поэтому дополнительно к указанному обвинению притянули его неудачное руководство оборонительными боями возглавляемого им Северо-Западного фронта, а затем 43-й армии Резервного фронта, квалифицировав это как воинское преступление, которое предусматривало уголовную ответственность «за самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений, совершенное не в целях содействия неприятелю, но вопреки военным правилам», то есть по п. «б» ст. 193—21 УК РСФСР.

В ходе следствия были допрошены только четыре военнослужащих младшего начальствующего состава соединений 43-й армии Резервного фронта, которые каких-либо сведений о преступных действиях генерал-майора Собенникова не привели, а дали показания о недостатках при организации обороны на отдельных участках фронта. В силу своего должностного положения и отсутствия необходимого опыта и знаний, а также из-за их нахождения во время боев далеко от Собенникова дать объективную оценку его действиям как военачальника они не могли.

Лица, которые могли подтвердить или опровергнуть показания Собенникова о его невинности, не были установлены и допрошены. Документы, подтверждающие или опровергающие виновность осужденного в содеянном, к материалам уголовного дела не приобщены и судом не исследовались».

Во время следствия и на суде Собенников вел себя с достоинством. Он опроверг обвинения «в участии в антисоветском заговоре и проведении вредительской работы, направлен-

ной на поражение Красной армии в войне». Он признал лишь, что «благодаря его преступной деятельности противнику удалось рассеять части 43-й армии и совершить прорыв».

А кто из тех, кто в те дни стоял на рубежах у Варшавского шоссе, не виноват в том, что враг прорвал оборону? Все виноваты. Кроме мертвых.

Приговор: 5 лет лишения свободы с лишением государственных наград: ордена Красного Знамени и юбилейной медали «XX лет РККА», а также воинского звания генерал-майор. Президиум Верховного Совета СССР уже на следующий после объявления приговора день рассмотрел ходатайство осужденного и счел возможным освободить Собенникова от отбывания наказания со снятием судимости. Он был лишен наград, понижен в звании до полковника и направлен в действующую армию с формулировкой в личном деле «для использования на низшей воинской работе».

Полковник Собенников некоторое время был прикомандирован к группе маршала К.Е. Ворошилова, а затем направлен на фронт. Воевал в составе Брянского, Центрального, Белорусского и 2-го Белорусского фронтов. Воевал полковник Собенников в должности заместителя командующего 3-й армией. 3-й армией командовал, как известно, генерал Гордов. Тот самый, возвращенный на фронт из лагеря, с лесоповала. Войну Собенников завершил в Берлине в звании генерал-лейтенант. Награжден орденами Ленина, Суворова II степени, Кутузова

II степени, Богдана Хмельницкого I степени, Отечественной войны I степени, двумя орденами Красного Знамени, медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией». После войны командовал военным округом, руководил Высшими военными курсами «Выстрел». Умер генерал Собенников в 1960 году, так и не дожив до пересмотра дела и официальной реабилитации.

Несколько лет назад дело генерала Собенникова было пересмотрено, судебное решение, вынесенное в 1942 году, отменено «ввиду несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам...».

Что ж, теперь, с высоты времени, и действия 43-й армии видятся по-иному. Недолго армия просуществовала как единая боевая единица, которой был поручен участок фронта. По существу армия дралась изолированно. Более того, изолированно дрались ее дивизии, бригады и полки. Боевые действия в полосе обороны 43-й армии представляли собой серию изолированных упорнейших и кровопролитнейших боев, которые все же сыграли свою роль: 4-я танковая группа, самая оснащенная и боеспособная, на сутки опоздала к Вязьме, чтобы замкнуть там кольцо вокруг окруженных армий. А значит, многим спасла жизнь и честь именно она, ее упорное стояние на Снопоти и Шуйце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.